Истории, которые нашептали деревья

Анатолий Михайлович Орлов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Очень интересные истории от человека, искренне любящего свою работу. Анатолий Орлов — лесовод на Сахалине. Сборник его рассказов о природе подходит читателям 10-16 лет.

- Анатолий Орлов
  - Часть 1
    - Говорящее дерево
    - Полосатый хитрец
    - Крокодиловы слезы
    - Живая бутылка
    - Плохой ученик
    - Самоубийца
    - Спасибо, спаситель мой
    - И соловей перестал петь
    - Зеленый дятел обиделся
    - Разные мы
    - Такое доверие дорогого стоит
    - Отлились хищнику мышкины слезы
    - А то бы трагедии не миновать…
    - Хранительница дома
    - Эхо
    - Город грызунов
    - Сладкоежки
    - Накормил…
  - Часть 2
    - В молодом лиственничнике
    - Под дубом
    - А ландыши теперь не растут
    - У срубленного дерева
    - Четвероногие сеятели
    - Обед из еловых шишек
    - Такая вот арифметика…
    - Облака
    - Беглянка с реки Беглянки
    - Речное общежитие
    - Досадные случайности
    - Ночевка с медведем
    - Хозяйка поляны
    - Догадливая синичка
    - «Разговор» в ельнике
    - Переполох

        - Поющие бекасы
        - Норка-попрошайка
        - Фальшивые бриллианты
    - Часть 3
        - Биологическая станция
        - Что ни валеж — то общежитие
        - Мыс Канабеева
        - Аммониты
        - Реквием по нерпе
        - Витюк и его осведомители
        - Вечер на Крильоне
        - На мелководье
        - Крильонское городище
        - Улитка
        - Нюра
        - Он до конца оставался охотоведом
        - Гусеницы
        - Лилия Глена
        - Птенцы зимородка
        - Мандаринка
        - «Куть… куть… куть!»
        - Ежу опять повезло
        - Опять появились косатки
        - Когда рубки во благо
        - Борец
        - Черный коршун
        - Ихтиологи на реке
        - Кедр на Крильоне
        - И лес, и лосось переводиться не будут
        - Жертва шторма
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Анатолий Орлов
Истории, которые нашептали деревья

Часть 1
ГОВОРЯЩЕЕ ДЕРЕВО

Говорящее дерево

Сынишка вбежал в дом. Глаза расширенные, испуганные:

— Папа, у нас кто-то в сарае прячется. Шепот и скрип сам слышал.

У шестилетнего ребенка фантазии хватает, но чтобы успокоить его, пошел к сараю.

И тоже шепот услышал. И скрип тоже.

Тихо дверь приоткрыл. Тихо вошел. Пусто в сарае.

И за сараем никого.

На немой вопрос в глазах ребенка ответил:

— Явление природы. Такое бывает.

Может быть, сын и удовлетворен был ответом, но не я.

Червяк любопытства так и точил душу.

Отложил книгу. Вновь прошел к сараю.

Тот же скрип.

Тот же шепот.

Вновь тихо дверь приоткрыл.

Вновь тихо вошел.

Никого… пусто в сарае. И за сараем, кроме кучи еловых чурбаков, никого нет.

Раскидал чурки.

Заглянул под кучу.

Пусто…

А шепот и скрип со всех сторон уже.

И дошло до меня, что это дерево говорит. Обыкновенное дерево. Еловые чурбаки.

Взял в сарае колун и с его помощью разгадку нашел.

Под ударами колуна шептунам пришлось свое укрытие покинуть. По доброму десятку личинок усача извлек я из каждой чурки.

Дрова готовились зимой. До лета лежали на лесосеке. А оставленная в лесу древесина для короедов, усачей — что для собаки сладкая кость.

Мимо не пролетят. И отложить в трещинки коры яйца много времени не надо.

Вот и привез я дрова «с начинкой».

А дальше дело природы. Из яиц вышли личинки. У личинок — челюсти, как сверла…

— Хочешь посмотреть шептунов? — спросил я у сына. — Подходи ближе, не бойся. Они совсем маленькие и не страшные. Теперь понял, откуда шепот?

— Это наши непрошеные гости обедают. Все дрова в решето

превратили.

— Я же сразу сказал, что скрип и шепот — это явление природы. А ты сомневался. На слово старшим верить надо.

Полосатый хитрец

На приусадебном участке завелся воришка.

Придешь собирать клубнику — на каждой грядке ягоды обкусаны.

Я терпел.

Ягод хватало.

А вот времени, чтобы вывести воришку на чистую воду, было в обрез. Но когда гордость моего огороднического искусства — две вызревшие дыни — оказалась загубленными огородным пиратом, терпение лопнуло. Я раскидал по грядкам с десяток маленьких капканов.

Шалишь!

Не уйдешь!

Вместо предполагаемой крысы в капкан попался…бурундук.

Не просто бурундук, а старый знакомый. Любимец детворы.

Какой конфуз!

От боли и гнева зверек впал в шок. Безропотно позволил взять себя в руки и снять капкан. Безропотно сидел на ладонях, когда домочадцы, охая и сочувствуя, осматривали его.

Но стоило опустить зверька на землю, шок сразу прошел. С невероятной прытью, припадая на ущемленную лапку, бедолага скрылся под старым брусом в своем доме.

А мне в своем доме был учинен настоящий скандал. За зверский способ борьбы с огородными вредителями. За излишнюю жестокость.

Домашний суд был строг.

Его приговор не подлежал обжалованию: кормить зверька до полного выздоровления.

В первый вечер у норки земляной белки (как в простонародье называют бурундука) под брусом я оставил кучу угощений. Полосатый воришка тоже, видимо, считал, что я обязан кормить его, и ни от чего не отказывался.

По утрам сын просыпался с вопросами:

— Как бурундук? Лапка зажила? Нет еще?

И вдруг тревога: рис, горох, ягода — все у норки осталось нетронутым. Исчезли лишь конфеты — арахис в шоколаде.

Может, самочувствие моего больного ухудшилось?

Может, ничего, кроме орешков, есть не может?

Когда конфет не стало, пришлось ехать за ними в город. Чего только не сделаешь, чтобы загладить свою вину перед домочадцами. «Сумел покалечить — сумей и вылечить», — назидательно напутствовали меня родные.

А однажды утром я вновь увидел своего пациента скачущим легко и непринужденно, как прежде.

И тут я понял, что зверек последнее время симулировал. Забив норку припасами, он перестал обращать внимание на рис, горох. На то, что предлагали ему ежедневно.

Не отказывался лишь от орехов.

В этот день я снял бурундука с довольствия.

А то, чего доброго, из-за меня разучится добывать пищу.

Крокодиловы слезы

На нижних венцах летней кухни появились ватные цветы.

Белые, кремовые, розовые.

Вид у деревянного строения стал нарядным, праздничным.

Только не радовался я этому празднику.

Какая уж тут радость, если кухню теперь нужно сжигать.

Если мое строение облюбовал самый злейший гриб из всех дереворазрушающих грибов.

И другого способа борьбы с ним просто не существует.

А ватные цветы — его фирменная визитная карточка.

Стою у сруба, горюю — известие-то пренеприятное.

И надо же — мое настроение грибу передалось.

На кончиках мицелия[1] появились крупные слезинки…

Разоряет хозяина и плачет при этом?

Ишь, какой жалостливый.

Но не поверил я в эти слезы…

Крокодиловы они.

Кухня-то моя из сухого бруса построена.

Такую древесину нахрапом не возьмешь — подавишься.

Вот и научился гриб-агрессор ее увлажнять.

Капельки воды стал выделять из своего тела.

Капелька к капельке, слезинка к слезинке.

А ведь капельки даже камень точат не то, что дерево.

Вот и плачет крокодиловыми слезами гриб, дожидаясь, когда отсыреет плацдарм для очередной атаки.

А что они будут, в этом и сомнения нет.

И ватных цветов на строении станет больше.

И размерами они куда большими станут.

А потом на другие строения перекинутся, — аппетит приходит во время еды…

…у что ж, полюбовался цветами и хватит.

Принес канистру с соляркой, облил строение и спичку поднес…

Чтоб не разносить заразу по подворью.

Хорошо, что хоть кухня на отшибе построена.

Живая бутылка

Едва стает снег, сразу начинаю двор от мусора убирать.

От хлама, накопившегося за зиму.

От травы сухой.

Так и на этот раз было.

Начал с пластиковых бутылок и банок разных.

Нагнулся за очередной, а бутылка от меня в сторону покатилась.

Сама.

Без всякой помощи.

Как живая.

Приглянулся я живой бутылке, а из горлышка глазки-бусинки выглядывают.

И усы, в которых запутались розовые ножки.

Притом пяточки этих ножек отчаянно воздух перебирают в тесном пространстве.

Без слов понятно, что бедняге помощь требуется.

Забыла даже о страхе перед человеком.

Поднял я бутылку.

А в узком горлышке ее усатая мышь из последних сил за свою жизнь борется.

Осторожно двумя пальчиками ножки поправил, не дай Бог, вывихнуть.

И… затолкал беднягу обратно в бутылку.

Нет, нет, не садист я.

А чтоб предстоящей операции не мешала.

Ножичек из кармана достал.

Раскрыл его…

И лишь потом ножичком злополучное горлышко взрезал.

Выползла мышь из бутылочной мышеловки, распласталась на каменистой земле.

И так тяжело задышала!

То ли меня испугалась, то ли тельце от злополучной заточения затекло…

Лежит пластом, только бока от тяжелого дыхания вздрагивают.

Да глазки-бусинки непрерывно в мою сторону постреливают.

Друг или враг?

Никак понять не может.

А тут на бутылку солнечный лучик упал.

И заиграло донышко ее изумрудом.

И сразу дошло до меня, почему мышь в бутылке оказалась.

Остатками малинового варенья решила полакомиться.
А аппетит не рассчитала.
Разъелась так, что в горлышко животик уже не влезал.
Вот и застряла.
Вот и оказалась заложницей собственной жадности.

Плохой ученик

Срезал изгиб у речки и тысячу раз пожалел о содеянном.

Лучше бы извилистым берегом шел.

Такого неудобья давно не видел.

То раскорчеванное мелколесье, то заросли шиповника.

То горы земли, густо поросшие ползучей травой.

На заброшенном мелиоративном участке я, как стреноженный конь.

Только освободишься от пут, только выберешься из очередного неудобья, а на ногах уже новые оковы.

Новые плети ползущего разнотравья.

Но Бог на земле есть.

Увидел мои мученья и вознаградил за терпенье.

… Раздвинул я очередной заслон из колючего шиповника, и крошечная полянка открылась перед глазами.

С тремя лисятами на ней.

И каким-то мокрым меховым комочком среди лисят.

Таким мокрым и жалким, что я не сразу понял, что это предо мной.

Застигнутых врасплох лисят как ветром сдуло.

Остался на полянке лишь серый комочек.

Комочек, который при близком знакомстве зайчонком оказался.

Повезло косому.

От мученической смерти спасся.

Живым на потеху детенышам притащила лисица его.

Решила навыки к охоте привить родным чадам.

Да лисята по первости неопытными оказались.

Не взяли добычу сразу.

Пока не взяли.

Но финал был бы один.

Поверьте на слово.

Зайчишку, наверное, тоже чему-то мама учила.

Да плохим учеником оказался, раз в лапы лисице попал.

С месяц зайчишка жил в клетке.

Сначала сторонился, по углам жался.

От корма отказывался.

Потом привык.

И блеск в глазах появился.

И шерстка лосниться стала.

Но чтобы не губить косого, чтобы не отвык от воли — в лес отвез.

Правда, от лисьей норы подальше.
Заяц он теперь ученый, второй раз в лапы лисице не попадет.
А лисья наука, наверняка, впрок пойдет.
Лишь бы опять плохим учеником не оказался.

Самоубийца

Яркоперый тайменчик яростно таранит продолговатый камень в воде, раз за разом ударяясь в твердую гладь его.

Самоубийца, что ли?

Я пришел на речку, чтобы сполоснуться, — а тут такая драма.

Ну что ж, подожду, чем дело закончится.

В природе свои законы. Не я создавал их. Не мне отменять.

Не стану вмешиваться, пусть что будет.

Успею еще поплескаться.

А юный камикадзе, как бы чувствуя, что могут помешать, в очередной раз идет на таран.

Потом еще и еще…

И…чудо. Камень дрогнул и шевельнулся.

А быстрое течение доделало начатую работу.

На месте камня образовалась воронка.

В воронке золотистыми бусинками блеснули икринки.

Вот тебе и самоубийца!

Тайменчик, оказывается, охотился.

И тут только я обратил внимание на дно реки.

Песчаные отмели от берега до берега буквально были перепаханы лососем, который, выполнив свой долг перед природой, мертвыми тушками давно скатился вниз, в море.

Но под грудами речных камушков и песчаных бугров оставил дожидаться своего часа миллионы янтарных икринок.

О чем и напоминало дно «перепаханной речки».

Пока я переваривал полученную информацию, юркий хищник облюдовал другой камушек.

Вот и верь после этого пословице, что нельзя биться головой об стенку.

Спасибо, спаситель мой

От заброшенного сенника, построенного прямо у кромки леса, я всегда старался держаться подальше.

Уж очень кусачие осы жили в нем.

Живого по близости не терпели.

А тут нужно было к ручью спуститься.

За водой, — опять водопровод где-то прорвало.

Пришлось мимо ос красться.

Крадусь, а кругом тишина.

Никто угрожающе не жужжит, никто не преследует.

Поозирался кругом: куда же делись злыдни?

Сенник на месте, растущие деревца тоже…

Только на колючем элеутерококке какие-то золотистые ягодки появились.

Подошел поближе, а это не ягодки, а насаженные на колючки осы.

Те самые, которые постоянно досаждали мне.

Коллективное хара-кири что ли?

Пока ответ на загадку искал, взгляд на себе почувствовал.

Сидит на вершинке куста бузины большеголовая птица и глазами буравит меня.

Как сыч насупилась.

Сорокопута узнать нетрудно — голова выдает происхождение.

Понятно, чьих рук дело.

Выходит, и его здесь дом, раз столько запасов наготовил.

А я по весне все гадал, чье гнездо в развилке нижних ветвей бузины обнаружил.

Из сухих стебельков полыни, вейника, кусочками бересты переплетенное. Основательное, надежное.

А я думал, кто же такой умелец?

Вот ты какой, сахалинский сорокопут!

Ну, здравствуй!

Слышал про тебя, что хозяин ты запасливый.

Про «запас» на колючки и лягушек развешиваешь, кусочки недоеденной ящерицы…

Но умудриться все полчище ос выловить, — тут талант особый надо иметь.

Спасибо, освободитель мой.

Но не нужно было делать этого.

Они тоже право на жизнь имеют.

Да и привык я уже к ним.

Для тебя это просто корм, звено пищевой цепочки, а для них — жизнь.

И с жизнью этой ты беспощадно расправился…

И соловей перестал петь

Заросли бузины в окружении высокорослой крапивы, — любимое место певчих птиц во дворе.

На кустах бузины они поют.

На кустах бузины сочными ягодами кормятся.

Средь кустов гнезда вьют.

Не просто вьют, но и защищают их самоотверженно.

Приблизился к одному из кустов — а на меня стремительно птичка летит, и сворачивать не собирается.

Камикадзе, да и только!

Пришлось уворачиваться мне.

Сделал еще несколько шагов — новая попытка тарана.

А я не дрогнул.

— Взыграло самолюбие.

Едва не касаясь щеки крылом, птичка круто уходит в сторону.

— Ну, голубушка, на мякине не проведешь меня!

— Знаю я твои хитрости.

— От гнезда стараешься увести.

В кустах наверное подружка на гнезде сидит.

Дай-ка посмотрю…

Посмотрел…

Сидит…

Вернее, сидела…

Увидела меня, испуганно пискнула и улетела, сверкнув огненной шейкой.

В этот сезон пение соловья-красношейки я уже не слышал.

Пара сменила местообитание.

И не вернулась больше.

Шарообразное гнездо из стебельков и веточек сиротливо провисело все лето.

Осенние ветра скинули гнездо на землю.

Я поднял его. В нем все еще лежали птичьи яйца.

Только были необычно легкими.

Через аккуратные отверстия из них кто-то высосал содержимое.

Такое же отверстие на донышке гнезда.

Наверняка это отобедала землеройка.

Вот до чего может довести праздное любопытство.

Зеленый дятел обиделся

Последние годы от дятлов житья не было.

Целыми днями по простенкам стучали.

И маленькие острокрылые, размером с воробья.

И большие острокрылые, и пестрый дятел…

В народе примета есть: стучит в дом птица — горе жди.

И хотя в приметы мы не верили, горе не обошло дом.

У меня умерла мать. У жены — сестра.

Одним словом, невзлюбили мы дятлов.

Я даже хотел птичьи домики с деревьев поснимать, в которых некоторые из них гнездились. А их на приусадебном участке с полсотни висело.

Не успел.

Пришла зима, и забыл я о дятлах.

Но за зимой весна приходит.

И снова стук в оконный переплет: здрасьте, вот и мы!

Опять дятел.

На этот раз зеленый.

Бусинками любопытных глаз так и таращится на меня.

«Ох и достали вы меня, стукачи! Одни неприятности от вас».

Выскочил на улицу в чем был. Полено схватил — и в дятла…

Другого результата и быть не могло. Стекло звякнуло, дятел улетел. Только мелькнула в воздухе красная шапочка.

…А летом ремонт я затеял. Два десятка лет дом простоял. Это много для деревянного дома.

Вскрыл облицовку стен. Толь вскрыл, которым стены были прикрыты. Вскрыл и ужаснулся: дом-то сгнил.

Да еще вдобавок оказался изрешеченным муравьями.

Насекомые роем выпадали из полусгнивших брусьев.

Зря, оказывается, гнал я дятлов. Не с плохими вестями летели они к дому, а со срочным сообщением, с предупреждением: болен дом, ремонт требуется.

Не таю я больше зла на дятлов. Не гоню от дома.

Вновь замелькали стайки острогрудых птичек.

Застучал пестрый в макушке ели.

А зеленый, видимо, обиделся.

Улетел навсегда…

Разные мы

Люблю смотреть на сопки, когда на них опускается сумрак.

Зрелище завораживающее.

Смотришь, мультики в голове ни о чем крутишь — полная расслабуха…

А на этот раз расслабиться и не удалось.

Такой же сумрак…

Такие же завораживающие дали…

Но, сверлит что-то затылок, а что — не пойму.

Обернулся, — а метрах в трех от меня лиса стоит.

И, по-видимому, тоже сумеречными далями наслаждается.

Посмотрел на нее, а она дружелюбно хвостом замахала.

Совсем как собака.

Привет, мол…

А, старая знакомая!..

По весне я ее первый раз на территории лесничества встретил.

Турнул тогда.

Уж очень много о бешеных лисах писали.

А вдруг…

Далеко не ушла.

Семь курочек и петуха у соседей как ветром сдуло.

А если учесть то, что петуха-дублера соседи мне продали, для них визит рыжей бестии стал настоящей трагедией.

А потом уже, летом, когда я по распадкам свой скот искал, лиса эта не раз на меня выходила.

Всем нутром чувствовал, — не случайно.

Будто что-то сказать хотела, а может, познакомиться.

Сейчас ее не узнать.

Вылинявшая, округлившаяся, лоснящаяся…

Ну что тебе, подруга, надо?

Что преследуешь меня?

Шла бы ты своей дорогой.

Хвост у лисы слегка дрогнул.

Но с места так и не сдвинулась.

С досады закурил.

А сигарета в пачке последняя.

Скомкал пачку и швырнул в лису.

Попал прямо в нос.

Надо же!

Не обиделась.

Подкинула пачку игриво вверх.

Поймала…

Снова подкинула…

Потом начала по ней кататься, как бы приглашая меня к игре.

Ну ты даешь, подруга!

Так бешеные лисы себя не ведут.

Совсем очеловечилась.

Поняла, что не обижу ее.

С человеком общаться приходилось, и хозяин, наверняка, у нее был.

Росла среди людей, и к людям привыкла.

Наверняка что-то случилось, раз нового хозяина ищет.

И хочет, чтобы им я стал.

На прежнего, наверное, похож, раз так упорно преследует меня.

Но не принял я ее дружбы.

Дома кошки, собаки.

Полный комплект четвероногих.

В гости не пригласишь.

А без этого какая дружба?

Шла бы ты своей дорогой…

— Разные мы, — говорю миролюбиво.

И не надоедай мне больше…

И не только мне…

Ты же лиса, ты же не собака…

— Прощай…

Видно, все поняла из моих слов.

Ушла…

И больше на глаза никогда не попадалась.

Такое доверие дорогого стоит

У зайчишки, видно, выбора не было, раз под ноги бросился.

Да так, что пришлось тормозить, чтобы не сбить беднягу.

А вот и причина испуга: на поляну из редкого разнотравья стремительно выпрыгивает соболь.

Выпрыгивает и замирает: человек!

Не ожидал…

Немая картина.

Я с дрожащим зайчишкой под ногами на одной стороне полянки.

На другой соболишка, не сводящий взгляда с косого.

Добыча рядом, а нельзя.

Страх перед человеком сильнее чувства голода.

Минута проходит, другая…

Пять минут…

А зайчишка как привязанный у ноги держится…

Соболь нехотя исчезает в зарослях.

Да и мне по своим делам надо…

И так задержался.

Не будет же при человеке хищник жертву преследовать?

Извини, дорогой, но мне пора!..

Шаг, другой, третий…

А зайчишка, как привязанный, шаги прыжками повторяет.

Прыжок…Другой…Третий…

Копирует…

От страха совсем ручным стал.

Трава все выше, выше…

Деревья все чаще, чаще…

Зайчишка отставать стал.

А потом как рванет вперед.

Будто дорогу собрался показывать.

Только и видел его.

Видно, и в моем дружелюбии сомневаться стал.

Правильно, доверять доверяй, но и меру во всем знай.

Без этого в тайге не выживешь.

Исчез и не поблагодарил…

Но я не в обиде.

Такое доверие дорогого стоит.

Да и в памяти надолго останется…

Отлились хищнику мышкины слезы

Я стою на берегу ручья под старой ивой.

У капкана, в который совсем недавно попал соболь.

Соблазнился таежный разбойник тушкой сойки, подвешенной над челюстями таежного монстра, и вот такой финал…

Сразу же из удачливого охотника превратился в банальную жертву.

Нелегко расставался с жизнью.

До конца надеялся на свои силы и везение.

То впадал в ярость (сойка разорвана буквально на клочья), то в панику.

И потасок тянул во все стороны в надежде вырваться из наводящего ужас плена.

И железо обидчика грыз.

И даже в отчаянном бессилии собственную лапу, зажатую стальными челюстями.

Но мороз, боль, страх, голод сделали свое черное дело.

Удача отвернулась окончательно и бесповоротно.

И сразу же место трагедии запестрело мелким бисером мышиных следов.

Осмелели мыши.

И как только прознали, что их злейший враг повержен?…

Некогда грозный хищник выглядел беспомощно и жалко.

Меховая шубка сбрита начисто.

Костлявое голое тельце уже покрылось серебристым инеем.

Зато в мышином царстве, наверное, полный комфорт.

В соболиных шапках-гнездах им тепло и уютно.

Уютно будет и мышатам, которые появятся с первым теплом.

Сполна отлились хищнику мышиные слезы.

Сколько их он загубил на своем веку?

Не счесть.

Теперь полное удовлетворение.

Как говорят: око за око.

А вот охотника по-человечески жалко.

Поединок с именитым хищником велся на равных, по всем правилам.

Кто кого перехитрит.

Сколько сил и времени потратил впустую, выслеживая красного зверя.

А победой воспользовались мыши…

Что поделаешь.

В жизни такое бывает часто.

А то бы трагедии не миновать…

В середине декабря вдруг потеплело.

Невесть как прорвавшийся в наши края южный циклон прошелся по побережью чередой мелкого дождя, мокрого снега и густого тумана.

Дороги, землю, деревья — все сковало ледяным панцирем.

Для лесных обитателей наступил настоящий голод.

В таких случаях прокормиться рядом с человеком легче, чем на обжитых местах.

Под разлапистой пихтой у дровяного сарая я обычно подкармливаю бездомную собачку остатками завтрака.

Крошки птичья мелочь потом растаскивает.

А сегодня собачка не успела отойти от «стола», как на остатки собачей трапезы спикировала ворона.

И сразу же с соседней березки раздался душераздирающий крик.

Посмотрел, а на ней взъерошенная, с бурыми пятнами на боках, птица сидит.

И орет, орет, будто ее убивают.

Сойка.

Прилетела подкормиться, а тут ворона…

Долго еще сойка перепархивала с яблоньки на яблоньку, склевывая с веток мелкие высохшие дички.

Все никак не могла успокоиться.

Веточки тонюсенькие, а под крупной птицей не гнутся.

Или сойка так отощала или панцирь ледяной веточки укрепил.

Не понять.

…Не успел в дом войти — собачий гвалт.

Загулявшая собачья стая белку по ледяному двору гонит.

В другое время бедняжка в два-три прыжка на забор бы взлетела.

А сейчас прыжки не получаются, — лед.

Ноги скользят…

С трудом отбил от разъярённой стаи.

Помяли немножко, хвост укоротили…

Тельце худющее, худоба сквозь серый мех просвечивает.

Сразу видно — голодает.

Не вылиняла как следует.

Пришла подкормиться — чуть шубу с живой не сняли.

Слава богу, на работу не успел уехать.

А то бы трагедии не миновать.

Хранительница дома

После того памятного наводнения окраины нашего поселка буквально кишели грызунами и пресмыкающимися.

Всевозможные крысы, мыши, змеи, покинув обжитые норки в поймах рек, за считанные часы до наводнения устремились по склонам сопок вверх, туда, где жил человек.

Мой дом стоит у самой речки.

И чашу терпения, связанную с визитом непрошеных гостей, в этот год пришлось испить до дна.

Крысы уничтожили овощи в огороде. Изгрызли обувь и мешки в коридоре.

Змеи были куда миролюбивее. Но суеверный страх перед ними приводил домочадцев в ужас. Они были буквально везде: в теплице, на грядках, на помойке. Реже, из-за боязни быть укушенными, стали бывать у нас гости. С одной стороны, для семейного бюджета и хорошо. С другой, не жить же все лето бирюками?

Одна небольшая змейка облюбовала для отдыха тротуар. Посещение хозяйственных построек, куда вел тротуар, пришлось сократить до минимума. Обкосил и обочины тротуара, чтобы нечаянно не встретиться с необычной беженкой. А жена по нему ходить вообще перестала. Была с ее стороны и попытка подтолкнуть меня к расправе с самозванкой.

Правда, сама она от своего намерения и отказалась.

Сведущий человек — а наши жены любят слушать таких — сказал, что эта змея — хранительница дома. И чтобы не навлечь на дом несчастье, ее ни в коем случае убивать нельзя.

Жену сначала такое пророчество покоробило.

Если змея — хранительница дома, то кто же я? Резонно возник у нее вопрос. Но конфликт по этому пункту был скоро исчерпан, все точки над «и» расставлены, и змее было гарантировано право на жизнь.

Изо дня в день она, как раньше, продолжала греться на тротуаре.

Так прошел месяц, другой… Пока кто-то из гостей, не знавший всей истории, нечаянно не столкнулся со змеей на тротуаре.

Столкнулся. Испугался. Ударил.

Хранительница дома исчезла.

Мы переживали поначалу. Ждали каких-то неприятностей.

А потом эта история просто забылась.

Знающий человек опять же сказал:

— Змея оказалась незлопамятной.

Я, конечно, в его байки не верил. Уход змеи, по-видимому, был связан с появлением в доме кошки. Да, да, обыкновенной кошки. И разделом сфер влияния.

Энергичная кошка быстро очистила двор от грызунов. Она должна была вот-вот принести котят. А в этот период кошки к грызунам просто беспощадны.

И в поисках корма «хранительница дома» перекочевала в более богатые места.

А их в поселке хватало.

Эхо

Щенок давно уже перегнал ростом свой возраст, за полгода вымахав в приличную овчарку. Но в холода, чтобы не мерзнуть, по-прежнему просился в дом.

Он ложился головой на порожек у входной двери и чутко ловил все звуки и шорохи извне: служба есть служба.

Если кто рядом проходил по дороге, щенок глухо ворчал: мол, все вижу и слышу, прохожий, не забывайся…

Если кто входил во двор — звонко лаял.

Среди ночи обязательно выходил в десятиминутный дозор. Если хозяева забывали о нем, то щенок садился под окнами спальни и редко, лениво гавкал, пока его не пускали обратно в дом.

Свой ночной дозор щенок обязательно начинал с короткого и громкого гавканья, напоминая окружающим, что территория находится под охраной. Дом стоял у подошвы сопки с длинным и узким распадком. Рыхлый снег гасил звуки, поэтому соседям редкие собачьи концерты не надоедали. А в конце марта прошел обильный снегопад с дождем. Потом ударил мороз.

По отполированному морозом распадку, по зеркальным склонам ночью стало гулять эхо.

Щенок, как обычно, заступил в дозор. Он считал себя сильным и грозным. И вдруг, о ужас, более грозный рык раздался совсем рядом, с сопки.

Тогда, с кровяными от гнева глазами, щенок выдал очередную «кассету» громкого лая: мол, кто посягнул на мою территорию?

Но противник не отступал. Из глубины распадка раздался такой же лай. Только более мощный и грозный.

Щенок трусом себя не считал. Чтобы изгнать вероломного гостя, он без страха рванулся в узкое горло распадка, и вскоре его лай раздавался в верховьях сопок.

Вернулся щенок домой только под утро, усталый и обескураженный.

На следующую ночь все повторилось. Щенок вновь искал противника.

Тревоги и волнения прекратились лишь тогда, когда выпал пушистый снег.

Он и погасил эхо.

Город грызунов

Снежный покров на луговине только что сошел, и моему взору открылся настоящий город.

Город грызунов.

Долгую зимнюю пору остававшийся невидимым для человеческого глаза.

В полегшем валу прошлогодней травы бесчисленное сплетение просторных дорог и дорожек, от которых вглубь уходят норки.

Персональные квартиры и квартирки хозяев этого строительного чуда.

На каждом основном перекрестке общественная столовая.

В тарелкообразных углублениях — горки земляной груши, пересыпанной мелко измельченной зеленью.

Наверное, для лучшей сохранности.

Зима уже кончилась, а в «тарелках» топинамбура — так еще называют земляную грушу — полным-полно.

На этой луговине когда-то был мой огород.

Несколько лет подряд я на нем выращивал картофель.

До тех пор, пока на глаза не попалась заметка о том, как земляную грушу на своем подворье выращивали монахи.

И для чего выращивали.

Оказывается, топинамбур — чуть ли не панацея от всех болезней.

И сахар снижает в крови, и давление успокаивает.

Но груши, выращиваемые мной, оказались очень мелкими, а проблемы, связанные с их выкопкой, очень большими.

Новая огородная культура оказалась такой агрессивной, что картофель с поля просто вытеснила.

Пришлось огород забросить.

Попытки других селян использовать его по назначению тоже не принесли успеха.

Топинамбурное войско стояло стеной и было непобедимо.

А для грызунов новая культура стала «манной небесной».

Они научились не только убирать земляную грушу, но и сортировать, и хранить.

Я не берусь представить величину урожая, но его хватало и на зимнее питание полчищу грызунов, и столько же оставалось в закромах на непредвиденный случай.

Подобрав всего с полдесятка кучек, я набрал полное ведро отсортированных и превосходно сохранившихся груш.

Только жена, несмотря на лечебность земляного «фрукта»,

отказалась принять его.

Наверное, чтобы не нарушить из века сложившуюся традицию: обычно грызуны пользуются урожаем человека, а не наоборот…

… И мне сразу стало понятно поведение лис зимой.

Я думал, что они собирались на этой луговине в поисках отходов рыбоводного завода, который находился буквально рядом, а они просто мышковали.

Охотились на обитателей подснежного города, которых развелось на луговине превеликое множество.

Сладкоежки

Еще вчера этот клен ничем не отличался от окружающих его деревьев.

Белесых берез и серых ив с едва зеленеющими кронами.

Так же его ветки раскачивал ветер.

Так же его ветки тянулись к зависшему над сопкой солнцу.

Размахивая, как флагами, первыми воздушными паутинками.

От чего возникало ощущение качающегося неба.

Так же ревматически поскрипывал ствол в морщинистых шрамах при резких порывах ветра.

Распугивая грызунов и другую лесную мелочь.

А сегодня к нему и только к нему внимание всех лесных обитателей.

С утра дятел долго стучал по морозобоине, заплывшей стекловидной камедью.

А потом также долго молчал, затерявшись в зеленоватых ветках.

Рядом ивы с усохшими вершинами, а он на здоровом клене…

Странно…

А потом появилась пара веселых белок.

Белки какое-то время сновали по дереву, распушив хвосты, а потом тоже странно затихли.

И я потерял интерес к ним.

…Тяжело пролетели мимо две бабочки-траурницы.

Красивые!..

Украшением любой коллекции могли бы стать.

Но я не коллекционер.

Что мне до этих бабочек!

Но глазами все же проводил их по привычке.

И что вы думаете?..

Полет бабочек тоже у клена оборвался.

И чего это все к нему так липнут?

Медом что ли его намазали?

А ведь точно намазали!..

Только не медом, а соком кленовым — озарила меня догадка.

Сейчас же разгар сокодвижения!

Подошел и я к кленовому дереву.

Край морозобоины, расшитый дятлом, слезоточит.

При этом густые капли сока, подсыхая, по оранжевому лотку медленно скатываются вниз.

На лотке, в забродившем на солнце соку, две бабочки-траурницы.

Те, которых я только провожал взглядом.

… До дома всего лишь полсотни метров.

Сходить за топориком что ли да банку стеклянную прихватить?

И тоже полакомиться вкуснятиной?

Но жалко.

Дерево жалко.

Клен у меня на усадьбе один.

Чего доброго усохнет.

А мне так будет не хватать осенью его волшебного костра.

Костра, от которого в одночасье загорается вся сопка перед домом каким-то сказочным пламенем.

Что сразу забываешь и о пресных буднях, и о туманном будущем, и о других житейских невзгодах.

Так что перебьюсь без кленового сока.

Клен у меня на усадьбе один.

Да и я не такой уж сладкоежка.

Накормил…

Водопровод в селе старый, ветхий…

Часто случаются прорывы.

И село остается без воды.

А чтоб не зависеть от капризов водопровода, я выкопал в ручейке, на берегу которого стоит мой дом, яму-колодец.

И спуск к ручью обустроил.

Только завершил работу — в моем водоеме незваные обитатели появились.

С десяток каменок и мальмочек.

Видно, для игр пространство в моем колодце объемнее, чем в ручье.

И вода прохладнее.

И до того увлекательно было наблюдать за ними, что для меня поход за водой из принудиловки превратился в удовольствие.

Я даже стал подкармливать рыбок.

Естественно, сыпал корм чуть ниже по ручью, но так, чтобы рыбки его видели.

И они быстро подросли на вольных харчах.

Превратились в настоящих рыб величиной с ладошку.

Но были все такими же игривыми и непосредственными.

… Как-то приехал в отпуск сын.

С друзьями-однокашниками собрался на ручей за мелочевкой.

Родителей свежей рыбкой побаловать.

Я приехал из леса, когда на плитке уже шкворчала сковорода с жарехой.

— Садись, только тебя и ждем.

Схватил на ходу кусочек и в рот.

— Какая вкуснятина!

— Сейчас только воды принесу.

… Мой колодец-водоем был пуст.

Никто не встречал меня, и игруний моих не было.

Рыбки бесследно исчезли.

— Как же я забыл сына предупредить, — обожгла догадка сознание.

Жареха после этого казалась сухой и невкусной.

Разговор за столом был вялым и никчемным.

Но я вынужден был жевать, чтобы не обидеть сына.

Часть 2
ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ НАШЕПТАЛИ ДЕРЕВЬЯ

В молодом лиственничнике

На молодой лиственничник Бог слал испытание за испытанием.

Три года брали с него непосильную дань мыши. Брали, построчно выгрызая только что укоренившиеся рядки тонюсеньких прутиков.

Потом, как напасть, обрушился сырой снегопад, по пятам которого шли трескучие морозы. Смерзшиеся стволики под тяжестью льда и снега ломались, как спички.

Потом была смертельная, изнурительная борьба с курильским бамбуком, пытавшимся заглушить молодое племя.

И вот когда, казалось, все напасти позади, когда поредевшее лиственничное войско, пробив стену бамбука, вырвалось на свободу, новое испытание: молодой лесок облюбовал заяц, обыкновенный заяц-беляк.

Надоело ему питаться терпкими ветками да молодыми побегами бамбука — потянуло на сладенькое. А что может быть в тайге слаще, чем вершки молодых лиственниц, превратившиеся в звенящие леденцы-сосульки, торчащие рядками из-под пышного снежного покрывала?

И быть бы леску полностью обритым, если бы не его величество случай. Случаи, которыми так пестрят лесные истории.

У каждого хозяина есть в тайге свой участок.

У зайца — свой. У лисы — свой. У пернатых хищников — тоже.

А когда участок накладывается или входит в зону влияния другого — столкновения не миновать.

И для зайца одно из пиршеств закончилось трагедией.

Несколько клочков белесой шерсти да комочки рыжеватой крови на шершавом снегу — вот и все, что осталось от лакомки, когда его пути-дорожки пересеклись с путями-дорожками хозяина этих мест, ночного хищника — филина.

Под дубом

После затяжного ненастья — большое солнце.

Легкий ветерок с металлическим шуршанием перекатывает с места на место жесткие листья дуба.

Парит пропитанная влагой подстилка из прошлогодней травы.

Легкая дымка стоит над пологом просыпающегося от зимней спячки леса.

Перед входом в норку, замаскированную ажурным сплетением кореньев, охорашивается старая мышь: «Перезимовала…».

Забыв обо всем на свете, на колючем кусту шиповника, свернувшись в большой радужный ком, дремлет сойка.

Шевелятся на ветру, как водоросли под ударами морской волны, линяющие клочья шерсти на некогда роскошной шубе соболя, блаженно растянувшегося на корявом суку старой березы.

Вдруг с шумом обрушивается подтаявший пласт грунта на песчаном оползне. Мирная идиллия нарушена.

Любопытство берет верх над инстинктом самосохранения: что там?

Блестящий желудь, скрытый до этого под шершавыми листьями дуба, маняще поблескивает на солнечном песке. Старая мышь пробует на зуб подарок судьбы.

Над ней зависает серая тень сойки…

От судьбы не уйти — и старая мышь бьется в клюве птицы…

У этой драмы могло быть продолжение: для соболя нет желанней добычи, чем сойка. Уж очень не любит он эту доносчицу.

Но весеннее солнце все жарче и жарче…И нет сил даже открыть глаза, не то что делать какие-то движения. Линяющий соболь так и остался на суку у старой березы…

Пройдет какое-то время, и из надкушенного мышью желудя пробьется молодой росток.

И на месте лесной драмы зашумит первыми листочками еще одно молодое деревце.

А ландыши теперь не растут

Было это полтора десятка лет назад. Безответственный человек собирал для своей подруги ландыши. Бросил окурок. И в считанные часы не стало на сопке ни леса, ни ландышей.

Долго сопка эта черной громадой нависала над моим домом, как немой укор человеческой беспечности.

Но природа со временем залечила свои раны.

На месте горельника появилась молодая поросль березняка в человеческий рост. А мы лиственницу посадили. Тысячи по три саженцев на гектар. Внесли свою лепту и птицы.

Не в буквальном смысле, конечно. Но это их заслуга в том, что сопка каждый год утопает в белой кипени боярышника. Только Бог знает, сколько пришлось поработать трудолюбивым свиристелям, прежде чем семена этих колючих деревьев попали в истосковавшуюся по живому землю.

А крикливые сойки рассадили лимонник, возвращая земле семечки склеванных ягод. И теперь молодые лианы тут и там по тонким стволикам берез тянутся к солнцу, к свету, по осени щедро одаривая своих пернатых «хлеборобов» янтарной ягодой.

В общем, коллективными усилиями такой лесок создали — глаз радуется.

Только ландыши в нем теперь не растут.

Но это, может быть, и к лучшему.

А то вдруг тут опять появится безответственный человек с подругой. И тогда история повторится сначала.

У срубленного дерева

Притащили как-то лесники на погрузочную площадку сушину.

Раскряжевали на чурки. А что еще с дуплистого дерева получится?

Из одной чурки гнездо выпало. Вернее, начинка гнезда.

Присмотрелись к гнезду-чурке: отверстие сбоку — входные двери, просторный цилиндр внутри — спальная комната, а в спальной комнате матрац — кучка сухого мха. То, что выпало при распиловке — постель беличья.

Словом, сухой просторный дом для многодетной беличьей семьи. С удобствами. Рядом «столовая». Березовые и ольховые сережки с деревьев гроздьями свисают — это на первое.

Каждая ветка разлапистых елей усыпана почками — это на второе.

Редкие шишки на ветках — на десерт.

А внизу, в ручье, ключевая вода. Пей не хочу.

Жалко мне стало срубленное дерево. Ведь именно вокруг таких полусухих и дуплистых деревьев настоящая жизнь в тайге только и держится.

В ухоженном лесу обитателей лесных почти не встретишь. И парадоксального в этом ничего нет: не будет ослабленных деревьев — не будет и древесных вредителей.

Ни муравьев.

Ни усачей.

Ни короедов.

Не будет насекомых — не будет и насекомоядных.

Ни землероек.

Ни дятлов.

Ни птичек-синичек.

Не будет дятлов — не будет и дупел.

Не будет дупел — не в чем будет селиться лесной мелочи, птицам, белкам и даже разбойнику-соболю.

Вот ведь какая картина получается.

Четвероногие сеятели

В разгар зимы, когда столбик термометра неожиданно поднялся до нуля, проснулись еноты[2]. Перед февральскими холодами самое время пополнить запасы жира.

Покинув нехитрое убежище под корнями вывороченной ели, мохнатые коротконожки сразу протропили дорожку к пойме реки: зимой вся жизнь лесная только у нее, кормилицы, теплится. А значит, и енотам найдется чем поживиться. Звери они всеядные.

Только попробуй разыщи эту жизнь под толщей снега и льда…Мыши лишний раз вылезти на поверхность не хотят. Лягушки под слоем ила и гальки где-то на дне речном спят. Правда, выдра натропила дорожки у продушин речных. Но после нее особо не поживишься: горки замерзших рыбьих потрошков на льду хватит лишь червячка заморить.

Зато на пригорке призывно горит оранжевое пятно мерзлого шиповника. Не успела крылатая мелочь его распотрошить. Вот и «семафорит» шиповник оранжевым неоном о помощи попавшим в беду лесным обитателям: налетайте кто голоден…Всем хватит.

На эту ягоду еноты-бедолаги еще по осени «глаз положили». Только попробуй достань ее из колючего сплетения…А теперь шипы «ежи» под снегом. На поверхности только тонкие веточки с оранжевыми «колокольчиками», которые со смаком обкусывают глазастые красавцы.

Но вот уже и время прощаться с колючей столовой. Шагают вразвалочку с разбухшими, как барабан, желудками еноты обратно к своему убежищу. Шагают не спеша, след в след. Дорогу метят непереварившимся шиповником. А в каждой «метке» — не один десяток семян, которые всхожести не потеряли и после пребывания в желудках енотов. А значит на каждой метке через год-другой обязательно новый кустик шиповника вырастет…

Обед из еловых шишек

Урожай на шишки таков, что и лесникам на свои нужды хватило, и лесным обитателям с лихвой осталось.

Гуляет тайга.

Куда ни глянь — всюду еловая шелуха. И по этой шелухе сразу легко понять, кто где обедал, с кем обедал.

Хоть и аккуратистка лесная красавица-белочка — и за собой следит, и в гнездышке у нее порядок, а за обеденным столом — неряха из нерях. По всей ее вотчине чешуйки и еловые стерженьки разбросаны. Сразу видно, с аппетитом обедала.

А вот и она сама легка на помине. Сидит на суку, цокает недовольно: шляются всякие.

Зато под соседним деревом идеальный порядок. Добрая сотня шишек, ежиком топорщащихся, в аккуратную кучку сложена. А одна шишка в расщелине между сучками зажата — так сказать, еще в производстве. Это кузница дятла. Хозяин ее отдыхает сейчас. Вернее, «музицирует», лениво ударяя крепким носом по смолистому сучку.

Вибрирует, поскрипывает дерево после каждого удара. Музыка, конечно, не ахти, но хозяину нравится. А чего еще надо?

А здесь чьи интересы переплелись? Порядок и беспорядок вперемешку. Это коллективная столовая. И вкусы, и воспитание у сотрапезников разные.

Разбросанные шишки с пучками иголок — работа клестов. Это они серповидными клювами сделали прореживание в рыжей от обилия шишек кроне ели. И, вылущив из каждой шишки, на их взгляд, наиболее аппетитные семечки, тут же бросали ее на землю, где за «обеденным столом» уже собрались мышки. Лесные чистюли, как и дятлы, тоже во всем порядок любят. В аккуратные стожки сложили вылущенные чешуйки — любо посмотреть…А излишки шишек, сброшенные клестами, так и остались лежать в беспорядке. Клесты сорили — клестам и убирать, видно, решили мыши.

Такая вот арифметика…

Дорогу проложили прямо по пойме речки. Подрезали склон так, что обнажился профиль почвенного покрова до материнской породы.

— Какой замечательный срез! — проговорил мой спутник ученый-почвовед.

— Я не зря называю срез замечательным. Другой раз и за сезон ничего подобного не встретишь. Видишь, под корнями ели на фоне светлых глинистых сланцев темный брусок почвы? Это гумус, образовавшийся на месте очень давно упавшего дерева. Когда нас еще не было.

Дерево сгнило, на его останках выросло новое. Не менее старое. Посмотри, какие седые ветви… И знаешь, сколько природе на все про все потребовалось времени?

Давай посчитаем.

Дерево, прежде чем превратиться в валеж, росло 150–200 лет. Столько же времени потребовалось, чтобы природа переработала его в гумус. Не менее 150 лет и елке, которая на этом гумусе растет.

А скоро сюда придут лесозаготовители. С топорами. С пилами.

Для них века сожмутся до недель. А то и одной недели хватит, чтобы весь распадок свести под корень.

Такая вот арифметика…

Облака

В зеркале воды отражаются и небо, и облака, и даже профили корявых берёз.

Смотрю с обрыва вниз на речку и вижу всё, что меня окружает.

Лишь изредка налетает ветерок-проказник и нарушает лесную гармонию: пробегающая рябь размывает окружающий мир.

Но только на миг. Не больше… Вот и сейчас пылью-рябью покрылось зеркало реки. Задрожали, уходя в небытие, корявые берёзы.

И облака поплыли в разные стороны: одни — по течению реки, другие — против…

Странно, почему? Такого же не должно быть.

Я на небо глянул. Для сравнения. По небу облака плывут в одну сторону.

Снова глянул в воду. А там облачка в разные стороны разбегаются…

И дошло до меня, что это косячки горбуши резвятся.

Я спустился с крутого обрыва вниз, но не успел подойти к кромке воды, как рыбки-облачка на клочки рассыпались. И растворились в зеленой глади плеса. Остался только один горбатый-прегорбатый лосось-самец. Чего уж он замешкался, не знаю. Но, увидев мое отражение в воде, дал такого деру, что только его и видели. За браконьера, видно, принял.

Да, пуганая стала рыба. Страшнее человека для нее ничего на свете нет. Наверное, и деток-рыбок человеком пугает.

Беглянка с реки Беглянки

Таёжная речушка настолько обмелела, что лёд просто завис над её берегами. А мне нужно было перейти на другую сторону. Дела там свои лесные ждали. Вот и прыгнул на лёд. А он возьми и рассыпься на сотни блестящих осколков. Замочить ноги в двадцатиградусный мороз — удовольствие не из приятных, но пронесло.

Я уже собрался опереться на корень нависшей ольхи, чтобы выбраться из русла, как под корнем увидел настоящий клад — десяток кунджинок величиной с ладошку и пару лягушек.

Дотронулся до них прутиком — позванивают. Запасы стратегические, давнишние. Явно на чёрный день. Только чьи? Запасливых зверьков в тайге не так много, но попробуй догадаться. А догадываться и не пришлось. Буквально в двух шагах от меня живой столбик. Серебристо-чёрная шубка, беловатое пятно на плоской морде. Весь в напряжении. Волнуется. А вдруг грабёж.

Так это же норка! Хоть и необычная. Американские обитатели наших мест — тёмно-коричневые, а эта серебристая. Никак беглянка. Хотя чему удивляться?

Звероферм на юге Сахалина много. Поголовье в тысячах измеряется, и побеги — явление не редкое. Бегут и белые, и серебристые. И таких беглянок охотники иной раз обнаруживают в десятках километров от прежнего местожительства.

А убежищем для этой норки стала наша речка. Притом и название у речки символическое — Беглянка. Значит, будет хозяйкой этих мест. Беглянки с реки Беглянки — звучит интригующе.

Не стал я больше беспокоить встревоженную хозяйку и удалился.

Ведь ей ещё надо будет перепрятать свои запасы — любителей поживиться за чужой счёт и среди лесных обитателей хватает.

Речное общежитие

Я сижу на берегу реки и смотрю, как работают ихтиологи.

На берегу лежит снег. За берега цепляются льдинки. Вода в реке прозрачная-прозрачная. Ну что в ней можно найти?

Неживой кажется река.

Даже рыбы и те в глухих схронах попрятались. А у ихтиологов и «приборов»-то всего — огромная лопата да квадратный сачок. Расшевелят лопатой гальку на облюбованном пятачке в русле реки — и в сачок. И так лопату за лопатой.

Мелкие фракции[3] вода вымывает. Крупные, с придонной начинкой, на брезент высыпают. И что они среди отполированных камней ищут? Камни и есть камни.

Как бы не так! Вот появилось величиной с полпальца какое-то рогатое страшилище. Как на подводной мине, рожки во все стороны торчат. Это личинка попрыгуньи-стрекозы. Той самой, что «лето красное пропела». Оказывается, зима для нее не так страшна, как писал батюшка Крылов. Весной из этого чудовища вылупится красавица-стрекоза с ажурными крыльями. И будет петь дальше, как ее сородичи.

Новый взмах лопаты — и новая живность. На этот раз личинки поденки…

Лопатой потревожены личинки ручейников, веснянок. Спали под двойным одеялом из воды и гальки, и нате вам — потревожили.

А когда в сачке заиграли на свету икринки сахалинского лосося, на свет божий из мелкой гальки ихтиологи извлекли… речную лягушку. И она даже не проснулась.

Вот тебе и мертвая река!

Но не все такие речки, как наша Сёмга. Другую пройдешь сверху донизу — и ничего кроме червей в сачок не попадет. О таких водоемах говорят: болеет река, загнивает…

Досадные случайности

На раскряжевочной площадке среди размашистых ветвей только что притащенной ели — серый шар.

Гнездо.

Беличье гнездо.

В гнезде, напоминающем футбольный мяч, шесть бельчат. Совершенно голых. С еще не открывшимися глазами. Шесть будущих белок-летяг.

Дерево вместе с гнездом приволокли с лесосеки. Досадная случайность: был беличий дом — разрушили. Но снизу ведь не увидишь, что делается там, вверху, в кроне дерева. Человек не птица.

Можно было бы отнести гнездо туда, где спилили дерево. Только где его спилили? Где найдешь это место? А если и найдешь — найдет ли его белка среди бамбука? Бельчата же тем временем от переохлаждения погибнут. Или станут добычей лесных хищников.

Гнездо переходило из рук в руки, пока не было принято соломоново решение: отдать бельчат в детский сад.

Где-то я читал, что таких малышей коровьим молоком выхаживают.

В детский сад зверьков и отправили с оказией.

На этом беличья история не закончилась. В конце дня на площадке объявилась встревоженная белка. Она не скрывала своей агрессивности. С яростью трепала рукавицы вальщика. В них он держал вчера гнездо бельчат. С гневом цокала на тракториста. Запах дыма и предметов от незнакомых людей так и будоражил белку.

Мы уже подумывали, как ей вернуть бельчат на следующий день, но белка словно в воду канула.

Так стали бельчата воспитанниками детского сада. Они быстро росли в тепле и в ласке. На теле появился мягкий пушок. Открылись глаза.

Только какой-то рок висел над зверьками, какие-то досадные случайности преследовали их.

Воспитательница спешила… Бельчат кормил ее сын. И вместо подогретого молока налил в блюдце холодного.

На шесть белок в сахалинской тайге стало меньше.

Ночевка с медведем

Как-то мой приятель говорит:

— Вот ты все о птичках да зверушках пишешь. Попробуй проверь тебя. Все равно соврешь. А если врать, то врать по-крупному. Написал бы, как в тайге с медведем под ручку ходишь или что-то в этом духе.

— Можно и про медведя, — отвечаю миролюбиво, — как-никак в грозу в одной берлоге ночевали.

— Ну ты даешь! — буквально взвизгнул приятель. — Сочиняешь прямо на ходу.

А я не сочинял.

…Тушили мы пожар в урочище Пиленга. Есть такое на Сахалине.

Вечером выбросил нас вертолет в пойме речушки рядом с пожарищем и улетел.

А мы обустраиваться начали. Не один день в тайге жить придется!

Пригляделся мне ильм на окраине стана. Толстый. В два обхвата. С изгибом коленообразным. И с огромным открытым дуплом в колене.

Ну чем не комната для ночлега?

Вытряхнул из дупла осыпавшиеся гнилушки.

Вытащил спальный мешок. Тихо. Сухо. Лучше ночлега и не придумаешь.

А ребята все знай шалаш строят.

— Я вам не помощник, — смеюсь. — Я для себя берлогу нашел.

Сказал, как в воду глядел.

Ночью ливень начался, с грозой, что на Сахалине редкость.

Деревья шумят.

Пыхтенье какое-то рядом. Треск сучьев.

Страшно, но ничего, уснул.

Проснулся чуть свет. От тишины и сырости…

В дупле полумрак. В боку от неудобной позы покалывает. С трудом на другой бок повернулся. Потянулся, косточки размял. Прокашлялся.

И вдруг… затрещало вокруг меня. Заломало.

Как на пружине, из дупла вместе со спальником вылетел.

Смотрю, а рядом с дуплом трава выкатана.

И атрибуты медвежьего испуга дымятся.

Видно, это дерево не только я, но и медведь облюбовал. И причем давно.

А я хозяйское место занял.

И ему, хозяину, рядом под деревом ночевать пришлось.

Интеллигент! Постеснялся гостя тревожить.

… Досыпать в дупло я уже не полез.

Сгреб в охапку свой спальник и — к ребятам в шалаш: пустите, пожалуйста.

Больше от коллектива отрываться не буду.

Хозяйка поляны

Лису, мышкующую на поляне, мы приметили давно.

Была она завсегдатаем этих мест. Машину, которая не причиняла ей вреда, лиса тоже угадывала.

И по виду. И по звуку.

Поэтому с ее приближением охоты не прерывала.

Не спешила уходить подальше.

Лесники так привыкли к лисице, что стали оставлять ей презент у дороги. В знак дружбы. В знак доверия.

И дружбу лиса приняла. Приняла благосклонно.

От угощений не отказывалась.

И по вечерам встречала машину, помахивая приветливо хвостом, как флажком. С таким торжественным, с таким нарядным видом, с каким на Руси встречают самых дорогих гостей.

Так продолжалось всю зиму.

А в марте, когда снег сморщился и пожух, как капустный лист на грядке, на пригорок вышли… две лисы: хозяйка поляны и ее жених.

В знак благодарности или влюбленности (если такие чувства есть у зверей) она решила поделиться со своим суженым самым дорогим, что у нее было, — правом на бесплатный и сытный обед. Жаль, что для жениха он оказался первым и последним.

Нет, с ним ничего не случилось.

Просто из-за весенней распутицы прекратились работы в лесу. А значит, прекратились и бесплатные обеды.

Однако хозяйке поляны бескормица уже не грозила: зима была позади.

А вдвоем беды не страшны никому, даже лисам.

Догадливая синичка

Зима как зима.

С морозами. Со снегом.

Сиротливо торчат высохшие стебли борца, медвежьей дудки. Ни жучков, ни паучков…Одна стерильная белизна. И куда только эта мелочь подевалась?

Маленькая синичка старательно долбит пустотелый стебель борца. И зачем ей это надо?

На потрескивающем стебельке, как на фюзеляже самолета, вырастают аккуратненькие иллюминаторы-оконца. Ну чем не небоскреб?

Крыша есть. Стены есть…

Окна в десяток этажей добрая синичка сделала: спеши, заселяйся, лесная мелочь!

Только, оказывается, все не так. И не такая уж синичка добрая. Дело в том, что стебелек этот давно заселен. Там, внутри, плотными рядами сидят оцепеневшие жучки, паучки, комары. На тонких паутинках покачиваются коконы бабочек.

Попробуй обнаружь их, когда все входы-выходы забиты пробками. Пробками-дверцами собственного изготовления.

Разве догадаешься?

А синичка догадалась.

Вот и долбит стебелек за стебельком, извлекая на обед обитателей скрытого царства.

«Разговор» в ельнике

«Фи-и-ть…фи-и-ть…» — в протяжном свисте захлебывается рябчик.

«Фи-и-ть… фи-и-ть…» — описывает страстно красоты своих владений.

Так свистит, как будто он хозяин заморского края, а не реденького елового царства.

А подружка на противоположном берегу речки Лютоги не верит ему.

Сколько вас, краснобаев, в лесу?

А чуть что — детей одной воспитывать?

Оседлостью самцы-молодцы не блещут.

Вот и отвечает самочка на его страстное и вдохновенное «фи-и-ть…фи-и-ть» сдержанно и сухо: «фить…фить…» — не свисти, мол, все равно не верю.

Не знаю, сколько длился этот диалог, конца не удалось услышать — село проснулось.

Трактора застучали.

Засновали машины туда-сюда.

И тонкое лирическое «фи-и-ть… фи-и-ть» потонуло в будничном поселковом утре. А следующее утро началось без рябчиковых рулад. Хоть и встал я пораньше, чтобы краснобая послушать.

Только молчала сопка с молодым ельником на ней. Видно, ушел рябец-молодец в примаки…

К подружке за речку.

Переполох

Под мартовским солнцем снежный ком дрогнул. А легкий ветерок завершил начатую работу.

Снежная глыба, шурша по веткам, устремилась вниз, увлекая за собой большие и малые снежки, запутавшиеся в суковатой кроне дерева.

Снежное облако серебряной пылью окутало елку.

…Вскоре пыль осела.

Ель расправила крону.

Но по крутому склону, наматывая на себя, как вату, снежное покрывало, все еще продолжали катиться на глазах увеличивающиеся в размерах елочные снежки.

Шумный снегопад застал таежных обитателей врасплох. После скромных завтраков они расслабленно дремали в своих укрытиях.

И вдруг такой переполох. Дробным боем застучали беличьи лапы по промерзшим стволам елей.

Тревога!

Тревога!

Тревога!

Испуганно поднялась в воздух стайка синиц, только что ковыряющихся в сухих стебельках лесного высокотравья.

Заяц в спешке покинул лежку. Снежный ком прокатился буквально рядом.

А вдруг!

А что вдруг?

Ведь ничего страшного не случилось. Просто с разлапистой ели свалился снежный ком.

Вот и все…

Поющие бекасы

На деревянных столбах линий электропередачи сидят бекасы.

Словно косы в руках у косарей: вжик, вжик, вжик — знай себе руладами заливаются пернатые. Наверное, событие какое-то произошло в их жизни, раз в самую страду праздник себе решили устроить.

И после каждой рулады взволнованное, с придыханием, с особой нежностью — вжи-и-и-и-ик.

«Смотрите все, какие мы счастливые…».

Десяток минут стою, выключив двигатель машины, и слушаю семейный дуэт. До птиц — рукой подать.

Каждое крылышко можно рассмотреть.

А они на меня ноль внимания.

В сторонке, на лугу, чистит клюв старая ворона.

Бросила взгляд мельком: делать, что ли, нечего или поющих бекасов никогда не слышал? И вновь углубилась в свою работу, шлифуя корявой лапой и без того блестящий клюв.

А мне действительно поющих дуэтом бекасов не приходилось видеть и слышать.

Пикирующих с высоты птичек с вибрирующими перьями хвостов, от чего воздух наполняется дребезжащим свистом, встречал на любом летнем лугу, особенно в брачный период. Но то — пение хвостом.

А чтобы вот так, во все горло, счастливым дуэтом — действительно в первый раз…

Собаке надоело неподвижно сидеть в кузове. Спрыгнула легонько на обочину — и сразу к столбу. Такая уж собачья привычка…

Не выдержав кощунства, «певец» улетел.

И тут же с досадой умолк второй.

— Эх, ты! — говорю барбосу, — потерпеть не мог. Такой дуэт испортил.

Норка-попрошайка

Мы чистили мелкую рыбу для ухи на берегу реки, а с пригорка на нас смотрела норка. Обыкновенная американская норка. Коричневый мех, плоская морда с белым пятном. Смотрела так просяще, что делалось как-то не по себе. У норки вместо передней лапки была культя. И эту культю, казалось, она старательно демонстрировала нам, давила на жалость. Как профессиональный нищий на столичном вокзале…

Увечье превратило некогда удачливую охотницу в обыкновенную попрошайку.

Кострище, где мы развели огонь, было старое, обжитое. Рыбаков здесь отдыхало предостаточно. И роль бедной просительницы эта «актриса» освоила блестяще. У нее наверняка в укромном гнездышке щенки, которых надо кормить.

Конечно, в речке полно мелочевки, а по берегам — лягушек, но с таким увечьем охота не всегда бывает удачной. Без помощи «со стороны» в такой ситуации трудно обойтись.

Естественно, не отказали в помощи и мы. Сначала ей достались потрошки, а потом и излишки улова. Семейство большое — лишнего не будет.

Бедняга наверняка стала жертвой браконьерства, причем давно, если свое увечье уже научилась использовать во благо.

Неснятые капканы по берегам реки после зимней охоты здесь встречаются и до сих пор. В одном из них мы недавно обнаружили скелет еще одной зверюшки.

Так что нашей бедолаге еще повезло.

Фальшивые бриллианты

Залетный циклон недолго хозяйничал в тайге. К ночи северные ветры оттеснили пришельца прочь. И февральское небо, как всегда, переливалось сполохами колючих звезд под ревматическое потрескивание промороженных насквозь деревьев.

Зато утром, когда взошло солнце, зимнюю тайгу было просто не узнать.

Куда только подевались серенькие, вечно озабоченные березки?

Что случилось с угрюмыми, придавленными морозной тяжестью елями?

Лес в одночасье превратился в хрустальное чудо.

Со сказочными обитателями.

Со сказочными героями.

В серебряных платьях застыла стайка молоденьких березок, позванивая бриллиантовыми сережками.

Пышно расправили хвойные «воротники» солидные ели.

Засияли кораллами редкие кисти женственных рябин.

И даже пень, старый трухлявый пень, и тот превратился в сказочного Бову-богатыря, со стороны наблюдающего за происходящим действом.

Лес замер в хрустальной тишине.

Замер в ожидании очередного чуда.

Но вот откуда-то налетел гуляка-ветер. Зазвенели, падая, коралловые кисти рябин. С глухими охами сбросили елки снег. Не пощадил хулиган подружек-березок на пригорке.

«Тоже мне, принцессы! — просвистел проказник. — Вырядились, как фифы! А бриллианты-то фальшивые».

Присвистнул еще раз, прежде чем исчезнуть в потерявшей сказочную красоту чаще.

Часть 3
ВЕЧЕРА НА КРИЛЬОНЕ

Биологическая станция

Полуостров Крильон для морских и речных обитателей, что тихая гавань для рыбака.

Здесь, вдали от цивилизации, они живут, размножаются, поддерживая угасающие популяции.

Для сахалинских ученых это бесценный полигон по изучению живой природы.

Биологическая станция — один из объектов на полигоне.

Работа на станции идет, в основном, по ночам.

Такова уж специфика ее.

Эта ночь ничем не отличается от предыдущей.

Так же все заняты делом.

Так же собака досматривает свои собачьи сны вместо того, чтобы охранять хозяев…

Потрошение рыбы — удовольствие не из приятных, но без этого не обойтись.

Без экспериментов науки не бывает.

Жалко, конечно, этих молодых лососей, лежащих на тарелке.

Но у них забирают жизнь, чтобы продлить жизнь других.

Каждый день одно и то же…

Взвесил, взрезал, вымерил длину.

Внутренности — под микроскоп.

Только так можно узнать все о заболеваниях и изменениях в организмах речных и морских обитателей.

Только так можно собрать информацию об основных объектах промысла.

Над тусклой лампочкой вьется ночная мелочь — насекомые.

Без специального определителя в их биоразнообразии разобраться трудно.

Тут и совки, в семействе которых насчитывается 25 тысяч видов.

Тут и пестрые бабочки с поперечными полосками на крыльях.

Это пяденицы.

Заглянули на огонек волнянки, гусеницы которых при массовой вспышке размножения могут съесть всю хвою и листья с деревьев в округе.

Но Крильон, слава Богу, такая напасть миновала.

Шум прибоя за окном.

Крики ночных птиц.

Ничто не нарушает привычной работы.

Что ни валеж — то общежитие

Лучшая пища для костра — корчи, которых по берегам реки предостаточно.

Они подсохли на солнце.

Они смолисты.

А значит, лучше горят.

Но корчи, оказывается, облюбовал не только я.

Стоило сковырнуть трухлявую еловую лапу, от старости отвалившуюся от полусгнившего пенька, как на меня выпуклыми глазами уставилась светло-коричневая лягушка.

Громадный мешок из складок кожи под грязно-красным горлышком так и колышется от возмущения.

Это что, мол, за вольности.

Я здесь живу, а кто-то при живой хозяйке уже дом ломает.

Непорядок!

Пришлось опустить еловую лапу на место.

А под ивовой чуркой, корни которой веером рассыпались над пожухлой осокой, обнаружил с десяток голых, с прозрачной розовой кожей мышат.

Лежат в травяном гнездышке, попискивают…

И эта чурка оказалась фамильной.

Неудача ждала и при третьей попытке.

Огромная валежина с внутренней стороны оказалась насквозь изрешеченной муравьями.

Застигнутые врасплох насекомые в спешном порядке стали перепрятывать яичную кладку.

И эту валежину положил на место.

Ну и местечко для отдыха выбрал!

Что ни корч — то общежитие.

Вернулся к привалу.

Взял ножовку и ею спилил пару сухих деревьев.

Их еще не успели заселить лесные обитатели.

Это, видно, их резервный фонд.

Так что спиленных сушин не жалко.

Мыс Канабеева

Шум моря, крики чаек — неизменное сопровождение человека при каждом путешествии по Крильону.

Мыс Канабаева — не исключение.

Так же шумит море, так же кричат чайки.

Такая же туманная дымка над остроконечными вершинами елей.

По каменистой россыпи подниматься нелегко, но жутко интересно.

Голые камни, но сколько цветов на них.

Вот первые фиалки.

Кажется, дотронься до хрустальных цветков — и сразу зазвенят.

Так тонки и прозрачны лепестки.

А это розово-фиолетовое чудо нигде не встречал раньше.

Так экзотично смотрятся огромные колокольцы незнакомого цветка на мощных стеблях среди каменистых россыпей.

А это — лютики.

Нежно-желтый цвет их бодрит, снимает усталость.

От цветового изобилия пестрит в глазах.

Здесь, на высоком обрывистом мысе Канабаева с причудливой каменистой архитектурой и множеством всевозможных окаменелостей, археологам раздолье.

Природа будто остановила часы.

Все, как в глубокой древности…

Вход в импровизированную пещерку.

Опять преодоление всевозможных преград.

Сужение и расширение ущелья…

А вот просторный свод выхода с будто высеченными ступеньками в камнях.

Одна ступенька, вторая, третья…

Светло-коричневая букашка размером с домашнего таракана по импровизированной лестнице суетливо сбегает вниз.

На ее крыльях по два темных фирменных пятна.

Нетрудно определить принадлежность насекомого.

Перед нами — падальщик.

Само название говорит о его занятиях и образе жизни.

Чем ниже, тем гуще сочится вода из-под камней.

Сначала она собирается в небольшие ручейки, потом ручейки сливаются в настоящие потоки.

Над одним из водостоков — куст аралии.

Пальчатые листья, колючки на стеблях.

За рубежом в такие края проложили бы туристические тропы.

Красота-то неописуемая.

Хороший отдых.

Хорошие деньги в областную казну.

А у нас даже статус заказника с этих уникальных мест сняли и собираются открыть карьер по заготовке камня для строительства завода СПГ в Пригородном.

Аммониты

Берега и русла рек Крильона словно музей под открытым небом.

Куда ни глянь — всюду раковины окаменевших моллюсков — аммониты.

По ним можно воспроизвести историю, произошедшую многие миллионы лет тому назад.

Они принадлежали к надотряду головоногих моллюсков, состоящему из более чем тысячи пятисот родов очень многих видов, быстро сменяющих друг друга во времени.

Аммониты жили с девона до мела включительно.

Но вместе с динозаврами вышли из эволюционной цепочки, так и не оставив потомков.

Эта окаменелость невелика, и ее можно легко поднять.

Но встречаются аммониты в диаметре и до двух метров.

Солидная коллекция выставлена в Сахалинском краеведческом музее.

По этим образцам легко воспроизвести строение аммонитов и их образ жизни.

Благодаря уникальному строению раковин они обладали потрясающими способностями.

В сообщающиеся между собой камеры раковин моллюск мог закачивать азот, регулируя плавучесть.

Только что собирал органические остатки на дне, а через мгновение уже превращался в плавучий батискаф.

С полутора сотнями щупальцев — рук разного назначения.

При опасности мог включить реактивную струю, как кальмар, чтобы уйти от погони.

А мог уйти в глухую защиту, спрятавшись в раковину и прикрыв вход специальной крышечкой.

Одним словом — универсал…

И, несмотря на такие способности, аммониты вымерли.

Их называют интеллигентами моря.

Реквием по нерпе

У моря есть свойство самоочищаться.

Все ненужное море выбрасывает на берег: и вырванные штормом водоросли, и мусор с рыболовецких судов, и мертвые тушки погибших рыб и животных.

С вечера море сильно штормило, и на берегу осталась лежать огромная туша тюленя-крылатки.

В мертвых глазах зверя застыла тоска.

Ихтиологи пробуют определить картину гибели.

Вскрывают тушу, осматривают зубы.

Первыми на падаль слетаются мухи.

Если добычу не обнаружат хищники, солнце и мухи тоже превосходно справятся с ролью санитаров.

Через неделю от этого великолепного зверя останется только скелет.

Скорей всего, тюлень увлекся погоней за лососем и не заметил одного из многочисленных ставников.

А у рыбаков с непрошеными гостями разговор короткий: колотушкой по голове и обратно в море, по другую сторону сетей.

Путина скоротечна, тут не до гуманности.

Витюк и его осведомители

До темна успели и лагерь разбить, и мелочевки на уху наловить.

И уху сварить.

А после ужина стали готовиться к ночлегу.

Мимо по дороге проехала невесть откуда взявшаяся милицейская машина.

Ее фары осветили близ стоящие кусты.

И сразу, как по взмаху дирижерской палочки, из их глубины ударила вызывающая птичья трель:

— Вит-тюк, вит-тюк! Ги-бэ-дэ-дэ!

— Вит-тюк, вит-тюк! Ги-бэ-дэ-дэ!

Слова проговаривались с такой поразительной четкостью и отчаянием, что оторопь взяла.

А неведомый пернатый осведомитель продолжал информировать такого же неведомого нам витюка о появлении «ги-бэ-дэ-дэ».

Мы зашлись дружным смехом.

Прошел час, другой, а «витюк» так и не услышал своего абонента.

И наше веселье скоро сменилось отчаянием.

Пронзительное и монотонное «вит-тюк, ги-бэ-дэ-дэ» просто изнуряло душу.

Встали рано и невыспавшимися.

В обед соединились с другой группой экспедиции.

Рассказали про «витюка», который сумел испортить ночь.

Ребята рассмеялись.

Оказывается, у них тоже был свой «витюк».

Что поделаешь: к досаде пернатых, мы сделали привал в зоне расселения их певчей пернатой компании.

Участки были уже поделены.

Самки сидели на яйцах, а самцы характерным криком, свойственным этому виду, оповещали весь мир и нас, в том числе, что это место занято.

Эти трели с наступлением сумерек звучали и до нас, будут звучать и после нас.

Пока не появятся птенцы.

А появление в самый неподходящий момент патрульной машины ГИБДД придало данной ситуации неповторимые комичность и невероятность.

Никакого «витюка» в природе, естественно, не существовало.

Как объяснили мне экологи, разбирающиеся в «птичьем»

вопросе, под маской «витюка» скрывался охотский сверчок: небольшая певчая птичка, довольно распространенная на Сахалине.

Вечер на Крильоне

Летом вся жизнь лесная у берегов рек держится.

Здесь всегда есть, чем поживиться.

Этот баклан уже сыт и с удовольствием принимает водные процедуры.

А у енотовидной собаки на морде написано плохо скрываемое нетерпение.

Она вся в поиске.

Скорей бы удовлетворить чувство голода.

У нее свой участок.

На него она даже близких родственников не допускает.

А тут какой-то баклан.

Он вызывает явное неудовольствие у собаки.

Нарушает суверенитет, нахал.

С больными и ранеными птицами хищница не церемонится.

Если голодно, съест полностью.

Если сыта — довольствуется потрохами.

Но этот баклан здоров и хорошо вооружен.

Тяжелый клюв, как меч, так и блестит на солнце.

Поэтому собаке ничего не остается, как ретироваться.

Не повезло здесь, повезет в другом месте — участок большой.

Да и обход собственных владений только начался.

Тускло светит костер в сумрачной тиши.

Суетятся вокруг него люди.

Блики заходящего солнца скользят по зеркалу реки.

На Крильон спускается ночь.

Под покровом темноты к берегу лесной реки выходит бурый медведь.

Не торопясь, заходит в реку.

Вытягивается от блаженства.

Здесь прохладно, и нет надоедливого гнуса.

Он даже на какие-то секунды впадает в детство: плещется, играет.

Но вот всплеск рыбы.

Медведь преображается.

Превращается в беспощадного охотника.

Замер.

Прыгнул.

И добыча в зубах.

Профессионал.

С рыбой в пасти солидно выходит на берег.

В стороне пролетает хищная птица.

Какое-то время кружится над водой, тоже высматривая добычу.

И, найдя ее, тут же подхватывает когтями.

Рыбы в реке в это время много.

Но столпотворение у реки на этом не заканчивается.

Появляется еще один медведь.

Охота занимает считанные секунды — кругом сплошные всплески.

Медведь прыгает — и вот уже в зубах бьется живая рыбина.

Не за горой зима — жирку потребуется много, поэтому медведь не теряет времени даром.

На мелководье

В который раз переходим реку.

Вся обувка в руках, чтобы не замочить ее.

А ноги до боли щекочут головастики.

Их много, очень много в реке.

С приближающегося берега на нас смотрит большая живородящая ящерица.

Появление группы людей вызывает у нее плохо скрываемое беспокойство.

Подхватив язычком зазевавшегося паучка, ящерица уползает прочь, покинув наблюдательный пост на стволе горбатой ивы.

А головастики нашего присутствия даже не замечают.

На прогретом мелководье реки их многие тысячи.

Если по всякому случаю тревогу бить — некогда будет и корм добывать.

А корм для них буквально кругом.

На каждом речном камне — пленка из слизи и органики.

Плодовитость квакушек вызывает восхищение, ведь им, чтобы выжить и сохранить природное равновесие, приходится откладывать икру с огромным запасом.

Слишком уж много опасностей подстерегает потомство: и засуха, и хищные птицы, и енотовидные собаки.

А пока на мелководье полная идиллия.

Чуть в стороне, ближе к склонившимся над водой ивам, держится молодь симы — пестрятки-однолетки.

С деревьев падают поденки, веснянки, гусеницы бабочек.

Здесь много ручейников и другой речной живности.

Корма для крошечных рыбок предостаточно.

Среди однолеток-пестряток есть и более крупные особи рыб такой же раскраски.

Это пестрятки-двухлетки, задержавшиеся в реке еще на один год.

И карликовые самцы, физиологически созревшие, уже в реке. Им теперь нет надобности, как пестряткам, уходить в море.

Карлики дождутся своего звездного часа здесь.

Когда пестрятки зрелым лососем вернутся с морских пастбищ на нерест, карлики тоже примут участие в процессе размножения.

Из икринок, оплодотворенных ими, появится полноценный лосось.

Таким образом, природа защищает вид от случайных катаклизмов, грозящих виду вымиранием.

Крильонское городище

Самая южная точка Сахалина — мыс Крильон.

Крутой обрывистый берег, и море, море, море…

А если уж быть совсем точным — известный каждому россиянину благодаря популярной песенке — пролив Лаперуза.

В которой певец «бросает камешки с крутого бережка».

В прибрежной зоне пролива разбросаны хаотично изъеденные соленой водой шипы рифов.

На которых когда-то любили греться нерпы и сивучи…

Теперь и нерпы, и сивучи — большая редкость.

Что поделаешь — скуднеет животный мир Крильона.

Вверху на плато высокий земляной вал, опоясанный по периметру глубоким рвом.

Неподалеку от вала небольшой ручей.

Летом ручей кипит от заходящей на нерест рыбы.

Сейчас спокоен, но неприветлив.

Грозно щетинится пластами кремнистых сланцев в местах коренного выхода их на поверхность.

Древнему человеку эти сланцы служили надежным материалом для изготовления грозного оружия.

Теперь они никому не нужны.

Пласты тревожат только вода и ветер.

Выветривая и разрушая породу.

Лучшего места для селения трудно сыскать.

Не зря наши предки для первых поселений выбрали это место.

И вал, и ров — это остатки крепости эпохи неолита.

Крильонское городище.

В нем жили люди еще шесть тысяч лет назад.

Здесь же разбивали стоянки и люди раннего железного века.

А самый древний след человека на мысе Крильон — это найденный археологами резец из кремня.

Орудие труда еще каменного века.

Удаленность от цивилизации и от привычных коммуникаций для этого уникального уголка сахалинской природы стала спасением и защитой.

Она сохранилась здесь в первозданном виде.

Частые дожди периодически вымывают из культурных слоев обломки горшков с волнообразным лепным орнаментом, черепки и другие следы пребывания многочисленных народов от человека эпохи неолита до айнов.

Волны времени смыли эти народы, отправили в небытие, но

оставили о них память — следы их пребывания на земле.

Теперь по этим следам археологи пытаются восстановить прошлое острова, чтобы понять будущее его.

Улитка

Рядом с тропинкой под молодой осиной гриб.

Пожухлая листва подстилки контрастно подчеркивает свежесть красок плодового тела.

Только дальтоник может пройти мимо, не заметив такое чудо природы.

Это первый настоящий гриб, встреченный мною в настоящем сезоне.

Не считая съеденной ранее грибной капусты.

Одним словом, гонец, предвестник начала «тихой» охоты.

На самом куполе огненно-красной шляпки большая улитка с настороженно выпущенными рожками.

На шляпке несколько округлых углублений — кратеров.

Эти углубления не что иное как место трапезы странного растительноядного существа, оставляющего за собою слизистый след.

Отсюда и название улиток — слизни.

Гриб по праву принадлежит ей.

Она его нашла, ей и лакомиться.

Но у меня право сильного.

Право на передел собственности.

Осторожно снимаю и опускаю улитку на волглую листву.

Грибное блюдо ей приелось, а мне будет в охотку.

Что может быть пикантней на привале, чем таежный супчик с грибами.

Улитка, несмотря на медлительность, успела вместе с домиком зарыться в подстилку, туда, где постоянное место обитания ее.

Там, среди причудливо переплетенных гифов грибницы и тончайших корешков дерева, образующих микоризу — особую форму сожительства гриба и дерева — ее столовая.

Пока дерево перекачивает продукт жизнедеятельности гриба, а гриб с помощью гифов через корешки дерева — нужные минеральные соли, улитка тоже не дремлет.

Она лакомится гифами и гниющими остатками растений вокруг них.

На месте съеденных гифов вырастают новые…

Непрерывный конвейер…

К большому удовольствию улитки.

К большому удовольствию землероек.

Самых прожорливых млекопитающих на свете, регулирующих численность улиток.

Удивительный механизм размножения улиток поддерживает их популяцию на самом высоком уровне, даже в годы природных катаклизмов и потрясений.

И один из секретов этого — во взаимном оплодотворении при половом акте.

Да, да…

В переводе на человеческий язык оба партнера беременеют одновременно.

…А на горизонте маячит еще один гриб с огненно-красной шляпкой.

И, увы, на нем такая же улитка…

Нюра

Сюда, в бассейн реки Найчи, в мае охотоведы выпустили из зоопарка на вольные хлеба медведицу по кличке Нюра.

Чего взрослого медведя в неволе держать.

О том, как привыкала Нюра к свободе, не раз писала сахалинская пресса.

А нам захотелось встретиться с ней лично.

К этому времени Нюра уже редко выходила к людям.

А последнее время вообще выпала из поля зрения.

Первые же минуты поиска дали положительный результат.

На прибрежной кромке песка свежие следы медведицы.

Нюра приходила ужинать.

Идем по следам и теряемся в растительных джунглях.

Огромная улитка, направив на нас антенны-усики, замирает на крупном стебле.

На спине, скрученный в рог, просторный домик.

Путешествует с комфортом: все при себе.

Мы не тревожим ее.

Опять сплошные джунгли высокотравья.

И свежие атрибуты Нюркиного ужина: медвежий помет.

Нюрка прошла совсем недавно.

Может быть, она сейчас и наблюдает за нами, но на контакт не идет.

И это хорошо.

Сколько лихих людей по тайге бродит.

За медвежьи лапы и желчь могут и жизни лишить.

Он до конца оставался охотоведом

Когда-то природа Крильона южнее Урюма была относительно нетронутой.

На площади шестьдесят две тысячи га простирался заказник Крильон.

Речных, морских и лесных обитателей заказника охраняли два егеря.

Одним из егерей был Федор Леонтьевич Картавых.

Его и его бревенчатую избу на берегу реки Найча (Хвостовка) знали на только в Анивском районе, но и за рубежом.

Череп медведя-каннибала, отстрелянного егерем, на международной выставке трофеев оказался крупнее трофея самого диктатора Чаушеску, известного своим фанатизмом к охоте.

Но это только вершина айсберга.

Основной труд егеря тяжелый и неприметный.

И то, что на Крильоне удалось не только сохранить популяции многих исчезающих зверей и птиц, но и добиться восстановления их, большая заслуга Федора Картавых.

Его фамилия стала лицом заказника.

Даже умирая, он завещал похоронить себя там, где жил и работал — на Крильоне.

И похоронили его на высокой безымянной сопке, над избой, в которой он жил.

Под низким сахалинским небом.

На могильном холмике камень.

На камне надпись: «Он до конца оставался охотоведом».

Увы, теперь таких энтузиастов и защитников природы у Крильона нет.

Зато желающих урвать у нее все больше и больше.

Вчера открыл местную газету.

В ней очередное объявление о возможном предоставлении земельных участков в устьях рек Медведевка и Найча под рыбные станы.

Там, где жил и похоронен Егерь с большой буквы.

Разграбление бывшего заказника идет полным ходом.

Гусеницы

Сразу за ярко-желтой полянкой редкий ивняк.

На ветках одной из ив вместо листьев жалкие сеточки тоненьких жилок.

Это отобедали гусеницы пядениц.

По сравнению с гусеницами других бабочек, у них намного меньше брюшных ножек.

Поэтому им приходится во время движения выгибаться в виде петли.

Они словно пядями отмеряют путь, за что и получили свое название.

Эта гусеница тоже уже отобедала и теперь отдыхает, зависнув на паутинке под веткой.

Совсем неподалеку, на одиноко стоящей лиственнице, еще один очажок листо-хвоегрызущих.

Несколько нижних ветвей лиственницы уже без единой хвоинки.

Очередная ветка буквально прогибается под тяжестью невзрачных, с темными пупырышами гусениц.

Это лиственничные волнянки.

На севере острова они пожирают насаждения на сотни гектар.

Как в Ногликском районе.

Но для Крильона опасности пока не представляют.

Аппетит пернатых, которых на полуострове множество, не хуже, чем у гусениц.

И с напастью, появившейся в небольшом количестве в лесу, птицы справятся сами.

Лилия Глена

Чем глубже забираемся в лесное царство, тем больше секретов раскрывает оно нам.

Вот среди изумрудной зелени лопухов настоящее чудо.

На величественном стебле растения белые, слегка желтоватые цветы, напоминающие большие колокольчики.

Королева здешних мест.

Знаменитая лилия Глена.

На этот раз при охране.

Роль охраны выполняет жгучий куст крапивы.

Разве поднимется рука сорвать такое чудо.

Конечно, нет.

Лилия Глена занесена в Красную книгу.

Настоящая жемчужина Крильона.

Жаль только, что таких жемчужин на Крильоне все меньше и меньше.

Над лилией желтая бабочка с необычным для Сахалина раскрасом крыльев.

Это махаон — обитатель тропиков, питающийся цветочным нектаром.

Махаон даже не думает садиться.

Конечно, сидеть при королеве цветов — кощунство, но объяснение его поведения в другом.

Все кроется в строении тела.

Он, даже когда питается, непрерывно машет крыльями.

Со стороны это кажется парением на месте…

Но красота обманчива.

Пройдет три-четыре месяца, и наша королева превратится в обыкновенную золушку, одетую в неприметную рогожку.

И ничем не будет отличаться от усыхающего высокотравья, окружающего ее.

И будет сиротливо стоять под открытым небом, как коробейник, позванивая коричневатыми коробочками, образовавшимися на месте душистых цветов.

Коробочками, под завязку заполненными пластинчатыми семенами.

Пока шальной ветер или какой-нибудь голодный обитатель не взломает их…

И тем самым даст начало продолжению рода.

И все повторится снова.

А сейчас ее час, ее праздник.

Испуская сладковато-приторный аромат, королева

сахалинской тайги правит бал.

Птенцы зимородка

На береговом склоне реки глубокое отверстие — нора.

Из глубины норы с тревожным любопытством в объектив видеокамеры смотрят семь пар глаз.

Это жилое гнездо зимородков.

С хозяевами этого гнезда — норы мы уже встречались.

Тогда самочка зимородка только что отложила яйца.

А теперь в гнезде большое потомство, семь неоперившихся птенцов.

Пока осматриваем птенцов — мама сидит на ветке рядом и нервничает.

Горячая пора — дети есть хотят, а тут шляются всякие…

Чтобы не раздражать мать-героиню, отходим в сторону.

И она сразу же влетает в узкое отверстие.

В клюве небольшая рыбка.

Это молодь лосося — основная добыча зимородка.

Лучшего добытчика рыбы в природе не сыскать.

Зимородка называют королем рыболовов.

Для пропитания птенцов рыбы требуется много, но вряд ли зимородок сможет подорвать лососевое стадо.

Популяция его небольшая, а симы и горбуши пока на нерест заходит предостаточно.

При виде мамы дети начинают волноваться и толкаться.

Счастливец, находящийся у входа в нору, получает добычу.

Расположенные по кругу, словно шарики в обойме подшипника, птенцы от толчков меняют место положения.

Счастливое место занимает очередной птенец, а, значит, следующая добыча мамы будет его.

Но пауза в кормлении затягивается.

Какое-то время мама отдыхает, прикрыв крыльями, как одеялом, своих детишек.

Дети согреваются и прекращают галдеть.

Мама улетает за следующей добычей.

И так весь световой день.

Мандаринка

На проточной излучине не по-русски ярко раскрашенная уточка.

Это мандаринка.

Она глубокой осенью появляется здесь не первый год.

Видно, прощается с родиной перед отлетом на зимовку.

Яркий, беззаботный наряд птицы вызывает праздничное настроение.

Наверно, уточки-мандаринки и созданы для того, чтобы дарить человеку радость.

Совсем недавно на протоке было многолюдно.

Чуть ниже у плеса в полузасохшей иве над зеркалом воды у мандаринки гнездо.

Каждый год по прилету она сразу откладывает в него яйца.

Так было и на этот раз.

Ровно десяток утят вылупилось из них.

Здесь прошли они школу выживания: учились добывать корм, уходить от врагов.

Здесь учились летать, взволнованными криками сотрясая округу.

Теперь утята перед отлетом на «хлебных» местах нагуливают жирок.

Путь-то предстоит далекий и нелегкий.

А старая уточка все никак не может распрощаться с родными местами.

Гнездовье этой удивительной птицы хорошо знает местный охотник.

Знает, но не трогает выводок.

И не только потому, что мандаринка занесена в Красную книгу.

Бережет ее для «души».

Красота-то неописуемая.

А на участок охотника ни один браконьер не сунется.

Уж очень характер у охотника суровый.

Да и на расправу скор.

Этим и пользуется удивительная птица.

При желании человек и животное могут жить в гармонии.

Главное, чтобы желание было.

«Куть… куть… куть!»

Каждый год в пойме реки остаются брошенными небольшие копешки сена.

Не успеет крестьянин состоговать их до дождя, и сено хозяину уже не нужно.

Замучаешься пересушивать.

Легче новое заготовить.

Вот и бросают стожки там, где скосили.

К великой радости лесных обитателей.

Под одним, свернувшись в клубок, залегли на зимовку змеи.

Под другим семейка енотов от оттепели до оттепели в спячке время коротает.

К третьему стожку кабарга в студеное время тропку протоптала.

Клочок-другой хорошего сена из него всегда выбрать можно.

Так что каждый стожок без исключения с сюрпризом.

Вот и от этого облезлая лиса, не торопясь, бочком, уходит.

…Ветер в мою сторону.

И лисица меня не чувствует.

А я не тороплюсь к стожку подходить.

Пусть подальше уйдет.

И что вы думаете?

Стожок тоже жилым оказался.

Перед ним, растянувшись, как человечек на солнцепеке, дремлет длинноногий лисенок.

Так напоминающий домашнего щенка, что невольно вырывается: «Куть… Куть… Куть…»

И это «куть… куть… куть…» лисенок понимает без перевода.

Он нехотя открывает глаза, встает на длинные ноги — все же взрослый к нему обращается — и делает два неуверенных шажка навстречу.

И такое недоумение и непонимание светится в его глазах, что смех, душивший меня при виде этого недотепы, вырывается наружу.

Зверек вздрагивает и скрывается под стогом.

И на просящее: «куть, куть» — он больше не отзывается.

Я представил, какую взбучку получит зверек от мамаши за то, что рассекретил нору, что стало жалко его.

Я ушел, чтобы не осложнять ситуацию.

Ежу опять повезло

Ежи на Сахалине — большая редкость.

Сырой климат, суровая зима не благоприятствуют расширению ареала колючего насекомоядного.

А этот еж — исключение.

Его вместе с другим сородичем завез в лес год назад известный телеоператор и сценарист.

Для съемок фильма о живой природе.

Завез и оставил…

Точнее, колючий артист остался добровольно.

Не захотел с импровизированной сцены возвращаться в неволю.

Предпочел туманную свободу сытой жизни.

И ничего, выжил…

Колючий топтун занимался привычной для себя работой.

Охотился на грызунов, насекомых, слизней, когда нос к носу столкнулся с собакой.

При виде опасности еж сразу же свернулся в шар, но это еще больше раззадорило любопытство пса.

На носу пса уже успели появиться капельки крови, но он с фанатизмом продолжал исследование незнакомого объекта.

И, осторожно перекатывая живой шар, норовил сунуть свой нос «куда не надо».

В чуть приоткрытую щель.

И, естественно, каждый раз получал по заслугам.

Отчего кровяных капелек на носу и лапах прибавлялось.

Любопытно было наблюдать за этим странным поединком.

Но скоро собаке бесперспективное занятие наскучило.

И сразу же в глазах появились равнодушие и презрение.

А чтобы подчеркнуть это презрение к колючему трусу, собака демонстративно подняла заднюю ногу…

Захлебнувшись от негодования, а, может быть, от зловонной жидкости, еж сразу раскрылся.

На считанные секунды он обнажил острую мордочку с мягким пушком.

Бусинки глаз злобно уставились на ненавистную собаку.

Любопытство было удовлетворено.

И собака окончательно потеряла интерес к ежу.

Если бы на месте собаки оказалась лиса, финал сценки был бы совсем другой.

Плутовка часто пробивает колючую оборону именно таким способом.

Если, конечно, рядом нет подходящей лужицы, куда она осторожно закатывает ежа, чтобы он раскрылся сам.

Так что этому ежу повезло…

Опять появились косатки

Разгар лета.

Типичный для Анивского залива.

Жаркий, влажный…

Травы по пояс…

Косяки лосося жмутся к устьям рек…

Сроки уходят, а горбуше еще нужно подняться к верховьям их.

И выполнить предначерченный природой долг.

Над косяками горбуши галдящие чайки.

Кричат, суетятся.

Норовят ухватить свою часть от дармового пирога.

На голубом листке залива полукругом черные точки.

Это нерпы пунктиром своих тел метят границы лососевого стада.

Они как пастухи.

Куда лосось, туда и нерпы.

И лососи вынуждены мириться с таким «соседством».

Нерест-то не отменишь…

У самой линии горизонта крошечная лодочка — ловят камбалу.

Для анивских рыбаков-любителей лов камбалы — излюбленный вид рыбалки.

Разве сравнишь мясо лосося с мясом «морской курицы»!

Залив пока еще сказочно богат.

Хотя нефтяные проекты все туже и туже затягивают удавку на его горле.

… И вдруг, как звук после удара пастушьего бича, резкий шлепок по воде…

Затем другой.

И нерпы сразу исчезают из поля зрения.

А лодочка, ревя мотором, стремительно устремляется к берегу.

Рыбаки взволнованы.

В заливе появились касатки.

А вдруг какая-нибудь из них пройдет прямо под лодкой?

Острым плавником рассечет, как нож масло.

Касатки зашли в залив не из праздного любопытства.

Они тоже при «деле».

Лосось их не интересует.

Слишком мелкая добыча.

То ли дело нерпа!

А нерпы загодя почувствовали свою смертушку.

Скучковались у берега на мелководье, волнуются.

Касаткам же на мелководье хода нет.

Что успели отсечь — то их.

Что не успели — еще успеется.

В прибрежных водах Сахалина касатки — гостьи редкие.

Они обычно обитают в теплых водах.

Но слишком уж изменился климат в последние годы.

Потеплело и наше студеное море.

И все чаще и чаще появляются в нем именитые гости — косатки.

Сотрясая воздух громовыми ударами хвостов по воде.

Наводя ужас на морских обитателей.

Когда рубки во благо

Когда-то эти полоски леса на хребтах оставляли как защитные.

Они не давали ветрам разгуляться от одного побережья острова до другого.

Помогали сохранять островной микроклимат.

Но старость не щадит никого.

Ни человека.

Ни дерево.

Все больше сухостоя в разреженных ветрами насаждениях.

Все меньше здоровых деревьев в них.

Все сложнее лесу справляться с возложенными на него природой обязанностями хранителя климата.

Под воздействием агрессивной корневой губки на хребтах повысыхала пихта.

Седые полуторавековые ели еще крепятся.

Но и их древесина уже основательно тронута гнилью.

А плодовые тела корневой губки с кошачьей цепкостью поднимаются все выше и выше от комля к вершине, сжимая тела деревьев смертельной хваткой.

Узкие хребтовые полоски все еще несут свою службу.

Но они обречены.

Обречены природой.

Они погибают на боевом посту, так и не оставив после себя потомство.

Двухметровый бамбук не позволял семенам достичь земли и укорениться.

Со временем еще одним пустырем или биологической рединой будет больше.

Если не произойдет вмешательство человека.

Это редкий случай, когда присутствие его в лесу с тяжелой техникой — лесу на благо.

Нарезанные волока раздвинут полчища бамбука.

Минерализованная почва, истосковавшаяся по семени, примет его.

Порубочные остатки срубленных деревьев придавят бамбук.

А все мероприятия в целом создадут хорошие условия для естественного возобновления.

Борец

Высокотравье однообразно и утомительно.

От сладковатого запаха разлагающейся органики кружится голова.

Изредка промелькнет в этих растительных джунглях лилия Глена, чтобы уставший взгляд на секунду — другую мог отдохнуть.

И вновь перед глазами бесконечное войско лопуха, копьевика, сахалинской гречихи.

Но вот над этим утомительным зеленым морем живой голубой взгляд.

Два великолепных экземпляра аконита вызывающе смотрят с высоты на грязно-зеленое войско высокотравья.

Сейчас борец, как никогда, оправдывает свое название.

В борьбе за место под солнцем он сумел вырваться на недосягаемую свободу и насмешливо смотрит на окружающий мир.

Он уверен в себе…

Еще бы.

И корень, и стебель, и голубые глазки цветов содержат страшный яд.

Соприкасаться с ним избегают и птицы, и звери, и насекомые.

Но его такой бойкот нисколько не пугает.

Аконит застолбил за собой место под солнцем и прочно удерживает его.

Чтоб жить в этом мире, надо уметь постоять за себя, надо быть борцом.

И два Борца, два аконита из семейства лютиковых — наглядное подтверждение этому.

Черный коршун

На старом приземистом дереве грозная птица.

Хищный беспощадный взгляд.

Остро отточенные когти.

Мощный загнутый клюв.

Это представитель одного из самых многочисленных семейств ястребиных: черный коршун.

Несмотря на грозный вид, довольно безобидное создание.

Речной санитар.

Взгляд коршуна сосредоточен на снулой рыбине в устье быстрой реки.

Но легкая добыча уже привлекла внимание большеклювых ворон.

Они бесцеремонно садятся на падаль и рвут ее кусками.

До коршуна им нет и дела.

Непорядок, совсем забыли субординацию.

Хищник уничижающе смотрит на ворон.

А затем неожиданно для них взлетает.

Вороны сразу разлетаются в стороны.

Коршун пробует сходу поднять трофей.

Не получается.

На бреющем полете возвращается в исходную позицию, опять на старое приземистое дерево.

А вороны, как бы в насмешку, возвращаются к трапезе.

Они явно нервируют коршуна.

И коршун делает очередную попытку разогнать бесцеремонных ворон.

Что, оказывается, нелегко.

К воронам прибыло подкрепление.

К тому же они применяют тактическое «ноу-хау».

Одна из ворон садится рядом с коршуном и начинает отвлекать его от пиршества.

Остальные продолжают пир.

Но и у ворон на этот раз технология не срабатывает.

Коршун, оказывается, на участке не один.

Пока сородичи начинают гонять ворон, он с остервенением вонзает в рыбу когти и рвет ее на куски.

Самый лакомый кусок — глаза жертвы.

Вороны, рассевшиеся на вершинах ближних деревьев, тревожно каркают.

Почувствовав опасность, коршун мягко взлетает, прихватив в когтях сильно полегчавшую добычу.

Вороны не очень расстраиваются.

В разгаре рунный ход горбуши, вода в реке так и кипит от нее.

И рыбы хватит на всех с лихвой.

Ихтиологи на реке

Тускло светит в вязкой ночи фонарик.

Зловеще вскрикивает ночная птица.

Убегает подальше от странных людей облезлый лис.

Люди, идущие по берегу реки, — ихтиологи.

У них сейчас горячая пора.

В разгаре учет покатной молоди лосося.

По данным ихтиологов даются долгосрочные прогнозы на урожай: сколько молоди скатится в море, сколько вернется полноценным лососем.

Всю ночь, через два часа, ихтиологи выходят на реку и ставят в воду на определенное время квадратный сачок.

Площади сечения сачка и реки известны.

Сколько скатилось молоди за ночь по течению — определить нетрудно.

Это дело техники.

А технику ихтиологи освоили основательно.

На этот раз в сачок попала молодая миножка, прародительница современных рыб.

Но сама к рыбам не относится.

У нее даже нет челюстей.

Она из семейства миноговых, немногочисленного класса круглоротых.

По идее, миножка должна бы присосаться к руке.

Но не хочет, чувствует опасность.

А вот в море она сделает это с удовольствием, найдя себе спонсора.

Присосется на год — другой к небольшой рыбке и, питаясь ее кровью и мясом, так и будет странствовать по морям вместе с жертвой, пока не придет время нереста.

Конечно, если она сейчас получит свободу.

Миножку выпускают…

Лучик света освещает небольшую рыбку с темными пятнами на боках среди камней.

Это молодь симы — пестрятка.

Ей еще в реке предстоит пройти обряд смолтификации[4].

Ее еще, как и миножку, ждут долгие морские приключения.

Может быть, и этой миножке, и этой симинке в будущем предстоит встретиться.

Ведь нерестятся они в одних и тех же местах.

Правда, в разные сроки.

Миножка на неделю-другую раньше.

А значит, вишневый лосось, так называют симу за ее брачный наряд, для устройства своего гнезда может использовать нерестовый бугор миножки.

А что за этим последует — представить нетрудно.

Кедр на Крильоне

Трудно поверить, что какую-то сотню лет назад темнохвойные леса сбегали с окрестных сопок прямо к кромке прибоя.

Сейчас вдоль дороги, по которой мы едем, березовое мелколесье да пустыри.

Топор и его неразлучный спутник огонь сделали свое черное дело.

Долгое время проблема лесистости Крильона никем не решалась.

Пока в Таранае не появился молодой лесничий Анатолий Высоцкий.

За дело лесовосстановления он взялся основательно.

На Крильоне появились бульдозеры, посадочные машины.

Сейчас только в бассейне реки Бачинки более тысячи гектаров рукотворного леса.

Из ели аянской.

Из лиственницы.

Особая гордость лесничего — кедр.

Более полутора десятков гектаров пустырей засажены саженцами кедра к двухсотлетию лесного департамента.

Сейчас молодые деревья достигли полуметрового роста.

Начинают смыкаться в рядах.

Им становится тесно.

Требуется срочное осветление.

Если выражаться простым языком — вырубить лишнее.

Чтоб молодые деревца не угнетали друг друга.

Но как поднять руку на хлебное дерево?

Вот и старается лесничий рассадить их по другим площадям.

Небольшую партию даже в магазин «Дары природы» завез, что в областном центре.

А вдруг кедр внимание дачников привлечет.

Кедровые деревья перед садовыми домиками — это же память и какая память для потомков…

…Шумят кедровые деревца на лесных площадях.

Шумят беззаботно.

А лесничий продолжает ломать голову: как бы каждое лишнее деревце понадежнее пристроить.

Чтоб не вырубать.

Пройдет два-три десятка лет, и первые кедровые рощи на Крильоне начнут плодоносить.

А значит, и животный мир его будет богаче и разнообразней.

И лес, и лосось переводиться не будут

Процесс лесовосстановления долгий и изнурительный.

Лес свести легко.

А чтобы вырастить — столетия требуются.

Здесь, на Крильоне, процесс лесовозобновления особо трудный.

Кругом крутые сопки и бамбук более двух метров.

Природа давно смирилась с нашествием незваного агрессора.

И уже не верит в то, что темнохвойный наряд ее можно восстановить.

Такой же, как прежде.

Природа, но не лесники.

Они научились обманывать природу.

Мощными кусторезами на квадратных площадках бамбук вырезают до подстилки.

А в подстилке делают мотыгами лунки.

В каждую лунку конвертиком высаживают саженцы ели.

Нелегко, изнурительно и затратно.

Что поделаешь, такая уж доля лесоводов.

В восстановлении лесов лесников активно поддерживают дети.

Они ежегодно в летних лагерях работают на уходе, не давая бамбуку угнетать молодые саженцы.

Не давая саженцам зарастать второстепенными сорными породами.

Хорошо работают ребята из «Лесовичка» в селе Таранай.

Небезразличны они к родной природе.

Все меньше и меньше пустырей на Крильоне.

А значит, полноводнее реки.

А значит, лосось переводиться не будет.

Жертва шторма

Морская вода Анивского залива, как слоеный пирог.

Над придонными студеными слоями воды слои более теплой, опресненной речными водами.

Еще выше подогретая солнцем поверхностная вода.

И в каждом слое своя жизнь.

Последние деньки глубокой осени.

Что ни день, то шторм.

Стайке пиленгасов[5] не повезло.

Шторм перемешал придонные ледяные воды с поверхностными продуктивными, в которых кормилась эта редкая для Сахалина рыбка.

Это только с берега кажется, что морю шторм нипочем.

Под толщей воды тишь и покой…

Температурный шок ввел рыб в полусонное состояние…

Море уже успокоилось.

А тушки пиленгаса со слабо шевелящимися плавниками продолжают плавать в прибрежной полосе кверху брюхом.

Начавшийся прилив прибивает их к берегу.

Тщетные попытки полусонных рыб уйти подальше в море не приносят результата.

Рыба становится добычей всевидящих ворон.

Суету ворон замечают люди, отдыхающие на берегу.

Им повезло.

Кто откажется от свежей рыбы?

2011 год, с. Огоньки

notes

Примечания

1

мицелия — гриб (м.р.)

еноты — так на Сахалине называют енотовидных собак.

3

фракция — часть сыпучего или кускового твердого материала.

смолтификация — обряд перестройки организма.

5

На юге Сахалина пиленгасом называют лобана, тоже относящегося к семейству кефалевых.